

Е.Г. Головин

**О некоторых аспектах деятельности Русской Православной Церкви
в условиях современной России как светского государства**

Монография

Нижний Новгород

2012

В монографии исследуются актуальные проблемы правового регулирования статуса Русской Православной Церкви, базовые принципы ее взаимодействия со светским Российским государством, а также другими конфессиями. Анализируется правоприменительная практика реализации конституционных свобод – совести и вероисповедания – в контексте деятельности религиозных объединений.

Монография предназначена для преподавателей, аспирантов, студентов, в том числе обучающихся в магистратуре, изучающих курс «Конституционное право России».

I. Особенности правового регулирования статуса Русской Православной Церкви: исторический аспект

Религиозные организации Русской Православной Церкви, хотя и преследуют цели, лежащие за гранью видимого мира, неизбежно вступают в различные отношения с окружающим их миром. Особое место в системе этих отношений занимают **правовые отношения с государством**. И не случайно, проблемы взаимоотношений Церкви и государства всегда вызывали острые споры и дискуссии в российском обществе. Особенно это касается широкого круга вопросов, относящихся к статусу Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) – комплексному конституционно-правовому институту, содержание которого составляют права, обязанности, юридические гарантии и юридическая ответственность Церкви, закрепленные в Конституции РФ и федеральных законах.

Являясь крупнейшей и наиболее структурированной религиозной организацией в Российской Федерации, Русская Православная Церковь осуществляет сегодня активные контакты с государством, и это требует научного подхода к выработке государственной политики в сфере межконфессиональных и государственно-церковных отношений.

Сердцевиной статуса Церкви, его «несущей конструкцией» всегда было правовое положение **религиозных объединений**, которое претерпевало существенные перемены на протяжении последних десятилетий.

Новейшая история страны знает примеры как жестко репрессивной политики государства по отношению к религиозным объединениям, так и почти полной бесконтрольности их деятельности, что в обоих случаях приводило к нарушению конституционных прав граждан.

Декрет Совета народных комиссаров об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 года с позиции правовой дискриминации провозгласил народным достоянием все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ (ими можно было лишь «пользоваться» с

разрешения властей); лишал их права юридического лица (такowymi могли быть лишь «двадцатки мирян»). На словах декрет реализовывал либеральный принцип свободы совести и напрямую не призывал к ущемлению прав верующих. Однако в условиях большевистской России он стал преддверием массовых репрессий, затронувших практически все конфессии.

В 1929 году были категорически запрещены какие бы то ни было формы религиозной «пропаганды» и общественной деятельности церкви, кроме «отправления культа» в церковных стенах. Вся внутренняя жизнь церкви проходила под надзором органов КГБ.

Советское государство, провозгласив себя светским, на деле было глубоко агрессивным атеистическим государством, осуществлявшим открытое гонение на веру; по самым заниженным оценкам было репрессировано 200 тысяч священнослужителей, а также полмиллиона православных христиан (точное число замученных православных христиан в годы богоборчества до сих пор неизвестно).

В 1969 году приходские священники были лишены административных полномочий; ими могли обладать только светские лица. Без санкции Совета по делам религии при Совмине СССР нельзя было ни рукополагать священников, ни переводить их на другое место.

Особо преследовались неподконтрольные государству общины – баптистские и религиозно-правозащитные.

Таким образом, лишившись права собственности на принадлежащее религиозным организациям имущество, в течении семидесяти двух лет советской власти Русская Православная Церковь как субъект гражданского права не существовала. Соответственно в этот период не было и «проблем», связанных с определением ее правового статуса.

И вот, с празднования Тысячелетия принятия христианства на Руси – с 1988 года – прорвало плотину изоляции Церкви. В 80-х – 90-х годах прошлого столетия начали происходить существенные изменения как во внутрицерковном, так и в светском законодательстве, определяющим правовой

статус религиозных организаций. Речь идет о принятии основополагающих актов **внутрицерковного характера**, таких как, например:

- Устав об управлении Русской Православной Церковью, принятый Поместным Собором РПЦ 8 июня 1988 года;
- Устав религиозной организации «Русская Православная Церковь», имеющий значение учредительного документа (утвержден Патриархом Московским и всея Руси 24 февраля 1991 года).

В сфере **светского законодательства**:

- в марте 1990 года III Съездом народных депутатов СССР отменяется ст.6 Конституции СССР 1977 года, провозглашавшая КПСС в качестве руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы;

- спустя несколько месяцев после крушения официального политического и идеологического единomyслия – 1 октября 1990 года вступает в силу Закон РСФСР «О свободе совести и религиозных организациях», который коренным образом изменил внешние взаимоотношения Церкви и государства; приходам и церковным учреждениям было возвращено право юридического лица. В связи с этим в действующем Гражданском кодексе РФ нормы о религиозных организациях были помещены в главе «Юридические лица».

- 25 октября 1990 года принимается Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», а также Постановление Верховного Совета РСФСР, которым были сняты действовавшие десятилетиями неоправданные ограничения и отменены положения антицерковного Декрета 1918 года. Религиозным объединениям было возвращено право деятельности по распространению своих вероучений и религиозному образованию и просвещению детей, молодежи и взрослых.

Значимость же Закона о свободе вероисповеданий состояла в том, что он реально обеспечивал права каждого гражданина свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой (ст. 3). Иначе говоря, Закон легитимизировал

религиозные права и свободы человека. Начал меняться и сам характер отношений между Церковью и государством: последнее самоустранялось от контрольных функций в отношении разворачивающихся в стране религиозных процессов, вместо уведомительного ввело разрешительный порядок регистрации религиозных организаций. Нормативное закрепление получили их права на культовую деятельность, а также производство, куплю, продажу и распространение религиозной литературы и соответствующих информационных материалов. Церковь получила возможность свободно строить храмы и открывать учебные заведения. В стране стремительно увеличивалось количество религиозных объединений различных конфессий и их последователей.

Вместе с тем бурные политические события и социальные потрясения начала 90-х годов не позволили законодателю в полной мере восстановить незаконно поправленные права церковных организаций и сформировать современную модель государственно-конфессиональных отношений. С одной стороны, существенно активизировали свою деятельность традиционные конфессии, и в первую очередь, религиозные организации Русской Православной Церкви, в сферах благотворительности, религиозного просвещения и образования, сотрудничества с армией, а также органами культуры, здравоохранения, охраны правопорядка. С другой стороны, в тот период получили широчайшее распространение религиозные движения протестантизма, неохристиан, восточных культов, нахлынувшие из-за рубежа и нередко носившие деструктивный характер.

Начался процесс разработки и принятия новой Конституции России, в которой предстояло уточнить и существовавшую на тот период концепцию государственно-конфессиональных отношений.

II. Конституционные основы государственно-конфессиональных отношений. Базовые принципы взаимодействия Церкви и государства

К концу XX столетия в мировой практике широкое распространение получили две основные модели государственно-конфессиональных отношений:

I. *Отделение церкви от государства и равенство религиозных объединений перед законом* – в светских государствах (к примеру, в США или Франции). Здесь религиозные объединения выступают как равноправные партнеры государства, а государственно-конфессиональные отношения принимают наиболее сложные и развитые формы на основе провозглашенных свободы совести и свободы вероисповедания.

Идея этой модели – строго разграничить государственный и религиозный институты, поддерживая атмосферу взаимной веротерпимости конфессий и их равноправия. Исторически светский тип государственно-конфессиональных отношений сложился в результате кризиса и разложения теократии¹. Поэтому он основан на убеждении в том, что государство, каким бы оно ни было, уже не способно реализовать высшую справедливость, но может лишь сугубо политическими или административными средствами решать задачу согласования разнонаправленных интересов и волей, характерных для поликонфессиональных обществ (к числу которых принадлежит и российское общество).

Именно необходимость терпимого отношения верующих людей по отношению друг к другу стала в новое время решающим аргументом в пользу отделения государства от церкви, а значит, и в пользу установления светского государства. В этом случае государственная власть полностью утрачивает заботу о спасении людей и уже не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами.

¹ Теократия (греч.) – форма правления, при которой носитель власти обожествляется или рассматривается как транслятор божественной воли.

Впервые законодательное воплощение концепция светского государства получила в Первой поправке к Конституции США (1791 г.). В частности, Конгрессу США было запрещено устанавливать какую-либо религию в качестве государственной. На протяжении XIX и в начале XX веков большинство европейских стран приняли законы, отделявшие религиозные объединения от государственных институтов.

II. Вторая модель – *государственная церковь*, имеющая привилегированное положение по сравнению с другими вероисповеданиями – в клерикальных² государствах (к примеру, в Великобритании или Бельгии). Здесь официальная церковь реализует свои интересы через органы государственной власти либо получение государственного финансирования. А все прочие религиозные объединения, как правило, подвергаются гонениям либо ограничиваются в правах, поскольку рассматриваются как потенциальный источник угрозы политической нестабильности.

Обе модели, будучи разграничены в теории, отражают две исторические тенденции развития политики государств в сфере межконфессиональных отношений, и ни одна из них не может быть признана совершенной: каждая из моделей, обладая достоинствами, несвободна и от недостатков. Поэтому современные демократические государства, стремящиеся к наиболее полной реализации принципа свободы совести, ищут более гибкие формы взаимоотношений с религиозными объединениями, учитывающие опыт обеих моделей, образуя при этом сложные комбинации.

Судьбоносный выбор предстояло сделать и разработчикам проекта новой Конституции России в принципиально новых условиях своего исторического развития. И вот, 12 декабря 1993 года многонациональный народ Российской Федерации принимает Конституцию обновляемого государства, в которой записано, что Россия – есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, социальное и **светское**. Провозглашается отделение религиозных объединений от государства и их

² Клерикализм (лат.) – усиление влияния церкви и духовенства в политической и культурной жизни страны.

равноправие перед законом. И таким образом, закрепляется первая из перечисленных моделей государственно-конфессиональных отношений.

Конституционное провозглашение российского государства светским означает, что оно не является ни религиозным, ни атеистическим. В нашем отечестве не существует государственной или обязательной религии, и ни одно из вероучений не признается официальным или предпочтительным.

Религиозные объединения выступают как равноправные партнеры государства, а государственно-конфессиональные отношения принимают многообразные формы на основе провозглашенных в Конституции свободы совести и свободы вероисповедания.

Учитывая недавний опыт советского периода, нелишне обратить внимание на то, что в современных условиях религиозного плюрализма становится ущербным и с правовой точки зрения недопустимым какое бы то ни было отождествление светской направленности государства с атеизмом.

Религия, ее каноны и догматы, да и сами религиозные объединения, а равно атеизм, не вправе оказывать *предпочтительного* влияния на государственный строй, деятельность государственных органов и их должностных лиц, на систему государственного образования и другие сферы деятельности государства.

Перечисленные базовые принципы взаимодействия Церкви и государства помещены в первой главе Конституции РФ среди статей, составляющих основы конституционного строя России. В силу этого они обеспечены особой правовой защитой. Суть этой защиты заключается в том, что никакие другие конституционные нормы не могут противоречить положениям данной главы, а изменения в нее вносятся лишь по решению особого органа – Конституционного Собрания.

Рассмотрим детальнее базовые принципы взаимодействия Церкви и государства:

I. Отделение религиозных объединений от государства (Конституция ... ч.2 ст.14). Этот принцип закреплен в законодательстве посредством

декларирования светского характера Российского государства и запрета наделять какие-либо религиозные объединения статусом официальных или государственных. Режим отделения Церкви от государства характеризуется следующими особенностями:

1) государство не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания. Вместе с тем государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности (ст.19);

2) государство не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, государственных учреждений и органов местного самоуправления. Не допускает и влияния Церкви на принятие решений органов публичной власти;

3) государство не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит законодательству РФ (в частности, в содержание вероучений, обрядов, церемоний культа и другие формы удовлетворения религиозных потребностей, во внутреннее самоуправление религиозных организаций, их взаимоотношения с верующими, наконец, в расходование средств, связанных с религиозными потребностями).

Такая позиция государства в условиях необновленческих течений, развивающихся внутри Православной Церкви, которые нарушают ее единство и ведут к внутрицерковной конфронтации, – особенно важна. Более того, государство охраняет законную деятельность Церкви и религиозных объединений. Наконец,

4) государство обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. То есть государственная система образования выводится из под опеки церкви. Это

означает невозможность введения в данных учреждениях в качестве обязательного ни религиозного, ни атеистического образования.

Между тем правоприменительная практика данной нормы пока далека от совершенства: во многих случаях в светских учебных заведениях всех уровней знания преподносятся по-прежнему с позиций грубого материализма, атеизма и антихристианства. Трудность ситуации заключается в том, что со стороны государства пока еще не разработаны правовые механизмы, предусматривающие ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение конституционных принципов, норм и положений. А со стороны Церкви недостает организации (по согласованию с руководством этих заведений) даже вне рамок основного учебного процесса христианских православных факультативов, циклов тематических лекций и пастырских бесед.

5) В то же время светское государство оказывает содействие деятельности религиозных организаций, и в частности:

- регулирует предоставление им налоговых и иных льгот;
- оказывает финансовую, материальную и иную помощь в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры;
- оказывает помощь в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в учебных заведениях, созданных религиозными организациями.

В свою очередь в соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства *религиозное объединение:*

1) *создается и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институционной структурой, выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно своим собственным установлениям;*

2) *не выполняет функций органов государственной власти, государственных учреждений и органов местного самоуправления. А такой аспект права, как регистрация рождения, брака, смерти, традиционно находившийся в руках церкви, стал прерогативой государства; далее,*

3) не участвует в выборах в органы государственной власти и местного самоуправления;

Исключения из этого принципа могут делаться только в том случае, когда избрание иерархов или духовенства в законодательный (представительный) орган государственной власти вызвано необходимостью противостоять силам, в том числе раскольническим и иноконфессиональным, стремящимся использовать выборную власть для борьбы с Православной церковью. В каждом подобном случае Священный синод, или Синод самоуправляемой Церкви, определяет лиц для участия в выборах.

4) не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную или иную помощь. Более того, лишь несвязанность Церкви с интересами субъектов политической жизни общества является необходимым условием выполнения ею своей миссии.

Одной из важнейших сфер взаимодействия Церкви и государства является **сфера имущественных отношений**, в которой Русская Православная Церковь выступает в качестве субъекта этих отношений. В нормах канонического права Церковь, с одной стороны, рассматривается как мистический организм, как многочленное Тело Христова и, с другой стороны, выступает (по словам известного русского канониста Н.С. Суворова) в качестве «установления Бога для веры». На современном юридическом языке это означает понимание Церкви как учреждения, которое объединяет христиан с целью совместного вероисповедания. Чтобы обеспечить нужду Церкви в имуществе, необходимом для ее повседневной деятельности, Русская Православная Церковь и ее религиозные организации включаются государством в систему юридических лиц, обладающих правом собственности на соответствующее имущество. Об этом свидетельствуют ст.48 Гражданского кодекса РФ и ст.21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ.

Как и всякий собственник Церковь и ее религиозные организации обладают тремя правомочиями в отношении принадлежащего им церковного

имущества: владением, пользованием и распоряжением. Данные три правомочия в совокупности охватывают все возможные варианты поведения собственника. Возникающие при этом отношения регулируются как нормативными правовыми актами Российской Федерации, так и внутрицерковными документами.

Церковное имущество традиционно имело и в настоящее время имеет *целевое назначение*. В частности, в соответствии с действующим законодательством религиозные организации Русской Православной Церкви, выступая в качестве одной из разновидностей некоммерческих организаций, вправе осуществлять предпринимательскую деятельность и создавать собственные предприятия в порядке, установленном федеральным законодательством; на основании своих уставов заключать трудовые договоры (контракты) с работниками по нормам Трудового кодекса РФ, и эти работники (как впрочем и священнослужители) подлежат и социальному обеспечению, и социальному страхованию, и пенсионному обеспечению.

Особенности имущественного режима религиозных организаций состоят, во-первых, в том, что церковная собственность – это не столько результат вложения капитала, сколько результат дарения. Во-вторых, религиозные организации имеют *специальную правоспособность*, в рамках которой им принадлежат лишь те гражданские права и обязанности, которые соответствуют целям деятельности, предусмотренным в их учредительных документах.

Позиция канонического права по вопросу о целевом назначении церковного имущества во многом совпадает с нормами светского законодательства и заключается она в следующем: церковное имущество предназначается исключительно для целей Церкви, и поэтому не может быть употреблено ни на какую другую цель. Этим оно отличается, к примеру, от частного имущества, которое собственником его может быть использовано на какие угодно цели. «В этом смысле церковное имущество есть собственность Христа, или бедных, как оно и называется в различных церковных актах, ибо

этим словом обозначается не собственность сама по себе, а то, для чего она предназначена» (См.: Епископ Никодим Далматинский. Православное церковное право. СПб, 1897, с.519-520).

И традиционно, начиная с эпохи раннего христианства, церковное имущество использовалось не только для культовых целей, но и для удовлетворения нужд бедных, вообще неимущих людей; более того, раннехристианская Церковь рассматривала церковное имущество как нечто данное христианской общине Самим Богом для вспомоществования нуждающимся и тем самым заложила традицию, сохраняющуюся и поныне. В русле этой традиции Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1992 года заявил, что стремление Церкви возратить принадлежащее ей некогда имущество религиозного назначения обусловлено заботой о «расширении не только духовно-просветительского, но и благотворительного, а также социального и культурного служения Церкви».

Существенный интерес представляет вопрос о *субъектах церковно-имущественных отношений*, поскольку нормы канонического права и государственного законодательства, регулирующие их статус, находятся в определенном противоречии.

Так, согласно п.21 «ж» и п.28 «е» Гражданского Устава Русской Православной Церкви в состав имущества, используемого религиозными организациями, входят: «культовые здания, здания монастырей, общецерковные и епархиальные учреждения, духовные учебные заведения, общецерковные библиотеки, общецерковные и епархиальные архивы, иные здания и сооружения, земельные участки, предметы религиозного почитания, объекты социального, благотворительного и хозяйственного назначения, денежные средства, литература, иное имущество, приобретенное, созданное религиозными организациями за счет собственных средств, пожертвованное гражданами и юридическими лицами, а также переданное государством и приобретенное на других законных основаниях».

Причем формулировки Гражданского Устава не вызывают сомнений: собственником имущества отдельных религиозных организаций признается Русская Православная Церковь в целом.

Между тем позиция федерального законодателя по этим вопросам, сформулированная в ст.48 и п.2 ст.209 Гражданского кодекса РФ, иная. Прежде всего в кодексе закреплена несколько иной состав имущества, используемого религиозными организациями: здания, земельные участки, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительского и иного назначения, предметы религиозного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности, в том числе отнесенное к памятникам истории и культуры.

При этом Гражданский кодекс, наделяя религиозные организации статусом юридического лица, признает их собственниками принадлежащего им имущества, осуществляющими в отношении него соответствующие правомочия: владения, пользования и распоряжения. Это означает, что православная Церковь юридически не вправе быть собственником всего имущества религиозных организаций, входящих в состав Церкви.

И еще. По смыслу ст.ст. 128 и 129 Гражданского кодекса РФ имущество, принадлежащее религиозным организациям Русской Православной Церкви, относится к объектам гражданских прав, которые могут ими свободно отчуждаться или иным способом переходить к другим лицам, и следовательно церковно-имущественные отношения регулируются в первую очередь гражданским законодательством и лишь во вторую очередь внутрицерковными актами. И, таким образом, рассматриваемая позиция Гражданского Устава, оставаясь каноническим правилом, правового значения не имеет.

Для «сглаживания» противоречий между внутрицерковным и государственным законодательством (и об этом уже указывалось в печати) было бы целесообразным рассмотреть на высшем церковном уровне вопрос о передаче государственного или муниципального имущества религиозного назначения из государственной или муниципальной собственности в

собственность Русской Православной Церкви в целом либо в епархиальную собственность с тем, чтобы Церковь либо епархии распределили это имущество на праве пользования между входящими в их состав религиозными организациями.

В иерархии *органов управления церковным имуществом* можно, помимо Поместного Собора Священного Синода, выделить следующие предусмотренные уставами конкретных религиозных организаций органы:

- Патриарх Московский и всея Руси – в отношении имущества Московской Патриархии в том числе имущества ставропигиальных монастырей, подворий и в отношении имущества Московской епархии как ее правящий архиерей;
- правящий архиерей – в отношении имущества епархии;
- Председатель Синодального отдела – в отношении имущества Синодального отдела;
- настоятель прихода совместно с Приходским советом – в отношении имущества прихода;
- настоятель монастыря (подворья, миссии, представительства) – в отношении имущества соответствующих религиозных организаций;
- председатель братства (сестричества) – в отношении имущества братства (сестричества).

Каждая религиозная организация РПЦ осуществляет полномочия владения, пользования и распоряжения церковным имуществом на основе подотчетности епархиальному архиерею. Московская Патриархия, епархии и синодальные отделы подотчетны Священному Синоду.

Для церковной деятельности принципиальное значение имеет установленный государством *правовой статус объектов имущественных прав религиозных организаций*. В сложном составе церковного имущества можно особо выделить следующие группы таких объектов:

1) имущество религиозного назначения. Критерием выделения данной группы объектов имущественных прав является *целевое назначение* церковного имущества. Первоначально классификация имущественных объектов

религиозного назначения была установлена Уложением о наказаниях 1845 года (с целью более четкого определения мер уголовной ответственности за святотатство). В частности, имущество религиозного назначения составляют:

- священные предметы, необходимые для совершения богослужений (священные сосуды, кресты, иконы и т.п.);
- предметы, освященные посредством употребления их на богослужениях (купели, чаши для водоосвящения, ризы, кадила, лампы, богослужебные книги и т.п.);
- церковное имущество, предназначенное для покрытия расходов на нужды богослужений и содержание клира, а также иных расходов, связанных с реализацией общецерковных задач.

Данная классификация сохраняет свою значимость и по сей день, поскольку в современных нормативных правовых актах – Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года (ст.21), Распоряжении Президента РФ «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» от 23 апреля 1993 года понятие «имущество религиозного назначения» используется, но по содержанию не раскрывается.

Вместе с тем Федеральный закон выделил в составе церковного имущества особую категорию – **2) имущество богослужебного назначения**, состав которого определяется Правительством РФ по предложению Церкви. Значимость этого имущества без преувеличения велика, ибо на него не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов, и вообще четкий перечень объектов богослужебного назначения в первую очередь необходим в тех случаях, когда возникают вопросы, связанные с погашением долгов религиозных организаций.

3) Движимые и недвижимые вещи, имущество. Деление вещей на движимые и недвижимые (согласно ст.130 ГК РФ) обусловлено не столько их физическими свойствами, сколько необходимостью установления различий в

их правовом режиме, специальной регламентации участия данных вещей в имущественном гражданском обороте.

Недвижимость – это новая правовая категория формируемой рыночной экономики Российской Федерации, появление которой обусловлено приватизацией государственных и муниципальных предприятий, введением правового института частной и муниципальной собственности (наряду с государственной) на землю и другие природные ресурсы, создавшими условия для развития рыночных отношений по поводу недвижимости.

По действующему законодательству к недвижимым относятся земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе леса, многолетние насаждения, здания, сооружения.

Исходя из этих норм Гражданского Кодекса к церковной недвижимости можно отнести храмы и храмовые комплексы, ансамбли монастырей, отдельно стоящие церкви, часовни, постройки хозяйственного и жилого назначения, земельные участки и иные объекты, прочно связанные с землей. Остальное церковное имущество относится к разряду движимых вещей, среди которых можно выделить объекты, составляющие внутреннее устройство храмов, облачение священнослужителей, знаки духовной власти, книжные собрания и тому подобные объекты.

Правовое значение приведенной классификации заключается в том, что с точки зрения гражданского законодательства движимые и недвижимые вещи имеют различный правовой режим. Так, например, любые сделки с недвижимостью подлежат обязательной государственной регистрации.

4) Законодатель устанавливает особый правовой режим еще для одной группы имущественных объектов религиозного назначения – для **объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации**. В ст.3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»

Федерации» от 25 июня 2002 года №73-ФЗ указанные объекты определяются следующим образом: это объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Данная классификация обусловлена особенностями правового режима памятников истории и культуры, заключающимися в необходимости со стороны государства проявлять заботу о сохранении и надлежащем использовании исторического и культурного наследия и жестко регламентировать отношения, возникающие в процессе его использования.

Памятники истории и культуры в зависимости от степени их государственной значимости делятся на объекты культурного наследия федерального (общероссийского) и, соответственно, местного значения. Указ Президента РФ «Об утверждении перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» от 20 февраля 1995 г. четко определил, какие именно памятники истории и культуры имеют общероссийский статус. Объекты культурного наследия, не вошедшие в указанный перечень, относятся к памятникам истории и культуры местного значения.

В настоящее время, несмотря на то, что юридический статус Церкви восстановлен, значительная часть церковного имущества, и прежде всего, объекты культурного наследия, остаются в собственности государства. Пока еще не принят закон о восстановлении (реституции) нарушенных в 1917 – 1918 гг. прав Церкви, отсутствует также и специальный закон о приватизации имущества религиозного назначения. Между тем потребность в такого рода

нормативных актах очевидна, ведь действующее законодательство о приватизации не устанавливает порядок передачи государственного и муниципального имущества религиозного назначения в собственность религиозных организаций Русской Православной Церкви.

Итак, в сфере государственно-конфессиональных отношений светская власть и Русская Православная Церковь (как впрочем и другие конфессии) стали самостоятельными и независимыми в своих сферах и надежно защищены законом от взаимного вмешательства в дела друг друга.

В более широком плане взаимодействие государства и религиозных объединений вызывается не только потребностью в сотрудничестве, но и наступлением потенциально возможных конфликтов в сфере их отношений. Вначале разберем позиции светского государства и Церкви в **конфликтных ситуациях**.

Если интересы религиозного объединения и государства сталкиваются, то главной задачей государственно-церковных отношений становится *уравновешивание* этих интересов. Как раз проблема разграничения полномочий и согласования интересов стоит наиболее остро в многоконфессиональных и светских государствах, где интересы государства и конфессий могут не совпадать. Существуют не только субъективные, но и вполне объективные предпосылки такого несовпадения интересов, вызванные разными целевыми установками их деятельности.

Если целью Церкви является приготовление человека к будущей (загробной) жизни, то целью государства является обеспечение мирной, благоустроенной и безопасной жизни здесь – на земле, без заботы о загробной жизни.

Нравственный смысл существования всякого государства заключается в том, чтобы использовать свою силу для ограничения зла и поддержания добра (Рим. 13: 3-4). И в этом своем качестве государство, как необходимый элемент жизни в испорченном грехом мире, где личность и общество нуждаются в ограждении от опасных проявлений греха, благословляется Богом. Церковь не

только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и вероисповедания ее носителей, но и молится за нее «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2:2).

Раз общество возлагает на государство задачу сохранения общественного порядка, а также общепринятых ценностей и норм, то и основными функциями государства являются предотвращение или умиротворение межконфессиональной вражды, а также правовое согласование религиозных потребностей, установлений с общественно-государственными интересами, ценностями и нормами.

Однако реальность такова, что в основе межконфессиональных конфликтов лежит свойственная государству, светским идеологиям и большинству религий тенденция к **абсолютизации** своих ценностей и мировоззренческих установок, поэтому конфликты **неизбежны в принципе**. Здесь возможны два принципиальных варианта развития конфликтных ситуаций:

1) само государство абсолютизирует себя, нарушает светские принципы и законодательные полномочия, распространяет убеждения или действия, ведущие к установлению всецелого контроля за жизнью личности, ее убеждениями и вероисповеданием, разрушению личной, семейной и общественной нравственности, оскорблению религиозных чувств. А такая тенденция неоднократно проявлялась в истории.

Позиция Русской Православной Церкви в подобной ситуации сформулирована в ее Социальной концепции: «Границы лояльности Церкви по отношению к государственной власти определяются заповедью Божией проповедовать Христову истину и совершать дело спасения людей в любых условиях, при любых обстоятельствах. Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. В случае невозможности повиновения государственным законам и

распоряжениям власти со стороны церковной Полноты, церковное Священноначалие по должном рассмотрении вопроса может предпринять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к **мирному** гражданскому неповиновению».

2) Второй вариант развития событий можно определить как межконфессиональный конфликт.

Современный мир (и Россия не является исключением) охватил процесс культурной, национальной и религиозной **диффузии** (лат.), т.е. распространения культурных, в т.ч. религиозных ценностей и установлений одних обществ в другие. Это ставит не только острую проблему согласования всего множества религиозных предпочтений. Государству и обществу в принципе важно определиться: где проходит грань терпимости по отношению к чужим религиозным ценностям и предписаниям? Ведь существуют культы, которые явно противоречат нравственным и правовым установлениям современной культуры со своими оргиями, человеческими жертвоприношениями и т.д.; они практикуют жесткую дисциплину, беспрекословное подчинение религиозным лидерам, обобществление имущества, требуют от своих адептов³ разрыва сложившихся социальных связей и применяют по отношению к ним техники психического воздействия.

Но есть и такие культы, которые, будучи чуждыми данной культурной традиции, на самом деле вполне совместимы и с правовыми установлениями, и с ценностями общества (например, религиозные праздники, способы погребения и т.д.).

Противоречия, о которых идет речь, связаны с такими аспектами религиозной регламентации, как стандарты поведения и запреты на определенные виды деятельности (например, запрет проходить военную

³ Адепт (лат.) – ревностный приверженец какого-либо учения.

службу), внешний вид и одежда, семейно-брачные отношения (например, ранние браки, полигамия⁴). Целый комплекс проблем связан с религиозной регламентацией времени, устанавливающей сроки молитвы, религиозных праздников: кстати говоря, во многих странах религиозные праздники имеют статус государственных, что иногда трактуется как отклонение от принципа равноправия конфессий и нарушение светского характера государства.

Помимо объективных факторов возникновения государственно-конфессиональных и межконфессиональных конфликтов, вызываемых религиозным плюрализмом, существуют и субъективные факторы как со стороны государства, так и со стороны общества.

Взять, к примеру, **законодательство субъектов РФ**. До сих пор можно встретить региональные нормативно-правовые акты о свободе совести и о религиозных объединениях, которые по ряду позиций противоречат федеральному законодательству и тем самым ущемляют права верующих тех или иных конфессий. А значит, провоцируется появление новых конфликтов. Так, противодействуя влиянию иностранных субъектов миссионерской деятельности на своей территории региональные правовые акты одновременно причисляют к «иностранцам» и собственных католиков и протестантов, чем ограничивают конституционные права российских граждан на свободу вероисповедания. Между тем, ч.3 ст.62 Конституции России ясно указывает на то, что ограничение прав иностранных граждан и лиц без гражданства допускается только федеральным законом или международным договором РФ, но никак не региональными законами.

Что касается нашего **общества**, то и здесь время от времени проявления нетерпимости инспирируются даже не служителями культа, а отдельными общественными организациями, средствами массовой информации и гражданами, в том числе не имеющими отношения к религиозному служению. Предпринимаемые ими попытки распространения идей и взглядов, подрывающих доверие и уважение, в частности к православию, а также

⁴ Полигамия (греч.) – многоженство.

вызывающих неприязнь к образу жизни верующих, религиозным обрядам – фактически посягают на честь и достоинство граждан, их конституционные права и свободы и поэтому недопустимы.

Вот характерный пример. Несколько месяцев назад Всеволожский завод компании «Форд» отказал в экскурсии по своим цехам диакону Андрею Кураеву, поскольку на заводе работают представители различных конфессий, и, по мнению российского представительства компании, появление священнослужителя в церковном облачении могло быть расценено кем-то из них как предпочтение одной религии другим. Поскольку визит предполагался частный, то администрация попросила о.Андрея не надевать облачения священнослужителя, и визит был отменен.

По мнению самого Андрея Кураева, эта ситуация выглядит угрожающе в свете распространения в мире идей политкорректности. Мы действительно должны учиться жить в разнообразном мире. Должны задумываться над тем, чтобы те или иные, даже стереотипные привычки, форма поведения, реакции или выражения не обижали и не травмировали людей, которые живут рядом с нами. Но в то же время, по выражению А.Кураева, есть идиотские способы решения реальных проблем. У нас почему-то все время думают о том, не оскорбится ли какое-нибудь меньшинство, и при этом забывают, как в этой ситуации чувствует себя большинство.

В целом можно заключить, что в современной России межконфессиональные отношения еще не приобрели той степени толерантности, при которой все без исключения государственные структуры и религиозные организации, институты гражданского общества безоговорочно следуют принципу веротерпимости. Противоречия в религиозной сфере всегда были, есть и, по всей вероятности, будут. Нельзя заставить людей во всех случаях одинаково поступать и мыслить. Представление о согласии, исключаящем всякие отклонения от принятых образцов, есть рецидив тоталитарного мышления.

Поэтому задача заключается не в том, чтобы полностью исключить противоречия, коллизии юридических и религиозных норм из жизни общества, а обеспечить их разрешение таким образом, чтобы это отвечало законным интересам всех субъектов **путем поиска вариантов согласия**.

Первостепенную роль в преодолении конфликтов играет инструмент права. По мнению профессора В.В.Лазарева, оценивать конфликты однозначно и тем более рисовать их одной черной краской нельзя, ибо они проявляют себя в форме различий, в форме противоположности, наконец, в форме антагонизма, т.е. конфликты неодинаковы. Противоречия могут порождаться различиями, вытекающими из плюрализма мнений. Роль права, очевидно, состоит в том, чтобы «терпимо относиться к конфликтам, которые вытекают из противоречий, навеянных противоположностью, и предупреждать и пресекать конфликты, которые вызваны антагонизмом» (См.: Государство и право, 1994. №4, с.17). К примеру, если межконфессиональный конфликт выходит за определенные рамки и угрожает перейти в открытое противостояние, а «критика» иноверцев перерастает в «разжигание религиозной розни», государство обязано вмешаться в межконфессиональные отношения и предотвратить столкновение, даже если это потребует некоторого ограничения прав верующих.

От конфликтных ситуаций перейдем к рассмотрению возможностей **сотрудничества Церкви и государства**, открываемых в современных условиях. В Социальной концепции Русской Православной Церкви названы 16 областей соработничества Церкви и государства в нынешний исторический период, и перечень этих областей оставлен открытым. К наиболее важным можно отнести сферу социальной защиты, сферу культуры и образования, а также взаимодействие религиозных организаций с Вооруженными силами и правоохранительными органами.

Сфера социальной защиты на протяжении нескольких веков находилась в ведении религиозных институтов, более того, забота о малоимущих, о социально незащищенных категориях населения (стариках,

больных, вдовах, сиротах) многими религиями вменяется в обязанность своим последователям.

В ареале распространения христианства именно религиозные общины (приходы) брали на себя организацию социальной помощи. Иногда специально для этого создавались братства или монашеские ордена (например, орден госпитальеров).

После того, как эта функция перешла государству, религиозные объединения во многих странах сохранили за собой эту сферу деятельности. Однако они не всегда способны, опираясь исключительно на собственные возможности, организовывать масштабные социальные проекты, поэтому нередко осуществляют их в сотрудничестве с государством.

Сотрудничество государства и религиозных объединений в социальной сфере осложняется тем, что последними благотворительная деятельность часто сопрягается с миссионерской функцией, и тогда социальная деятельность становится полем борьбы конфессий за влияние, что, в свою очередь, чревато обострением межконфессиональных отношений.

В сфере культуры сотрудничество религиозных объединений и государства касается, прежде всего, проблем, связанных с охраной и содержанием памятников истории и культуры. Поскольку часть имущества религиозных объединений имеет историко-культурную ценность, постольку оно становится предметом внимания со стороны государства. Цель взаимодействия государства и конфессии в этом вопросе состоит в том, чтобы найти приемлемые формы сотрудничества, которые позволили бы, с одной стороны, верующим использовать культовые здания или утварь для удовлетворения своих религиозных потребностей, а с другой – государству выполнять задачу охраны памятников истории и культуры.

В сфере образования главная задача государственно-церковных отношений состоит в поддержании *разумного компромисса* между необходимостью общего светского образования (ст.26 Всеобщей декларации прав человека) и правом человека на получение религиозного образования, а

также правом родителей обучать и воспитывать детей в той религии, которую они считают достойной.

В практическом плане встает вопрос: что такое *светское образование* и что такое *религиозное образование*, имея в виду немалое число недоразумений по этому поводу. Авторитетный в этом вопросе игумен Иоанн (Экономцев) считает, что религиозным является такое образование, которое готовит священнослужителей, церковных служителей, т.е. специалистов для той или иной конфессии, той или иной религии. Образование, при котором религиозные знания преподаются без этой цели, это в общем-то светское образование. К примеру, Российский православный университет хотя и готовит богословов имеет статус светского учебного заведения, поскольку готовит не только богословов, но и историков, философов, экономистов, юристов, экологов и др. Таким образом, преподавание религиозных дисциплин и в средней, и в высшей школе, если оно не имеет целью решение конфессиональных задач, это светское образование (См.: Государство, религия ... 2000. с.8).

Что касается непосредственно религиозного образования, то оно осуществляется:

- *в сфере среднего образования* – в негосударственных учебных и воспитательных заведениях, частным образом на дому или при религиозном объединении, а также по желанию граждан представителями религиозных объединений с зарегистрированным уставом в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях (например, в воскресных школах при православных храмах и православных гимназиях). При этом родители не могут заменить религиозным образованием основное общее образование, которое они в соответствии со ст.43 Конституции РФ *обязаны дать* своим детям на основе федеральных государственных образовательных стандартов;
- *в сфере высшего образования* – в духовных семинариях и духовных академиях. В этом случае государственные органы оказывают помощь в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в учебных заведениях, созданных религиозными организациями. Более того, государство

заинтересовано в хорошо поставленном религиозном образовании, подготовке религиозных деятелей и богословов, понимающих потребности и особенности многоконфессионального общества и ориентирующихся в российской действительности. В этом контексте в Федеральный закон «Об образовании» внесено дополнение, согласно которому религиозные учебные заведения получили право выдавать своим выпускникам дипломы государственного образца. Впервые на высоком уровне предложение о придании религиозным учебным заведениям государственного статуса было высказано в ноябре 2007 г. вице-премьером Правительства РФ Д.А. Медведевым во время посещения в Казани Российского исламского университета. На вопрос корреспондента по поводу финансовой поддержки Университета со стороны Республики Татарстан: «Не делает ли Вас такая помощь слишком зависимыми от властей?» – ректор Университета Р.М. Мухаметшин заявил: «Наши интересы здесь совершенно одинаковы – властям нужна российская мусульманская мысль, опирающаяся на богобоязненность и толерантность, что соответствует вероучению» (Наука и религия. 2008. №1).

Казалось бы, проблема решена. Но как часто бывает в законотворческом процессе и правоприменении, хорошая идея плохо воплощается в жизнь из-за непродуманного (или спорного) правового механизма ее реализации. К примеру, православной семинарии в определенной степени «невыгодно» получать государственную аккредитацию, ибо в этом случае в учебном плане появится внушительный блок светских дисциплин, который существенно сократит объем преподавания церковных дисциплин, традиционно сложившийся в религиозных учебных заведениях. И не каждое из них воспользуется государственной аккредитацией.

В последние годы в обществе велась широкая дискуссия о формах присутствия знаний о религии в учебном процессе средней школы. «Промежуточным» итогом этой дискуссии явилось законодательное введение с 1 сентября 2009 года в российских общеобразовательных школах обязательного нового компонента «**Духовно-нравственная культура**». Идея введения этого

компонента состоит в том, чтобы воссоединить образование и воспитание на основе веками выработанных духовно-нравственных ценностей и идеалов, таких как патриотизм, крепкая семья, трудолюбие, любовь к ближнему, честность и взаимопонимание. Именно система школьного образования призвана сыграть важную роль в передаче этих ценностей молодому поколению.

В июле 2009 года, в период разработки нового поколения федеральных государственных образовательных стандартов, Президентом РФ Д.А.Медведевым были поддержаны предложения Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, глав российских конфессий (ислама, буддизма, иудаизма) способствовать включению в стандарты в качестве базовой учебной дисциплины «Духовно-нравственное воспитание». В рамках этой дисциплины ученики с согласия их родителей имели право выбрать для изучения:

- 1) либо историю и основы культуры одной из конфессий: православия, ислама, буддизма, иудаизма; либо
- 2) историю основных мировых религий; либо
- 3) основы светской этики – в рамках светской культурной и нравственной традиции.

Первоначально также предполагалось, что обучение религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях возможно только вне рамок образовательной программы – *факультативно*, т.е. на добровольной основе по просьбе родителей и с согласия детей. Такую возможность администрация указанных светских учреждений предоставляла бы религиозной организации по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления. Однако заимствованную из американского опыта формулу – «вне рамок образовательной программы» крайне трудно осуществить в российских условиях. Ведь США являются конгломератом выходцев из самых разных культур, и там нет веками сложившихся традиционных конфессий. Действует огромное количество конфессиональных и частных школ, имеющих, как правило, конфессиональный компонент.

В России факультативное обучение детей религии, т.е. в свободное от обязательной нагрузки время, которое весьма и весьма ограничено, реально неосуществимо в широком масштабе. Даже несмотря на привлекательность факультативного преподавания, которое в отличие от «обязательной программы» допускает в процессе занятий соблюдение религиозных обрядов, т.е. создает ситуацию, когда школа не только «учит», но и «воспитывает», тем самым придавая качеству образования завершенный характер.

В этих условиях православная Церковь считала справедливым включить религиозно-ориентированные, культурологические дисциплины (например, основы православной культуры) в сетку обязательных предметов – по принципу равноправной альтернативы. Иначе говоря, родители, желающие воспитывать своих детей атеистами, могут избрать, например, «основы нравственности» вместо «основ православной культуры». Именно так устроено образование в Англии, Италии и ряде других стран.

Что касается других конфессий, то в местах их компактного проживания можно было бы в светской школе изучать основы исламской, иудейской, буддийской и др. культур. Это взаимно обогатило бы народы, населяющие Россию, и способствовало бы консолидации гражданского общества. Главное – сохранить светскость образования и одновременно соблюсти свободу совести в школе.

Когда же в 2002 году Министерство образования РФ по согласованию с РПЦ наметило ввести в средних школах предмет «Основы православной культуры», возникла довольно острая ситуация. Нашлись высокопоставленные работники государственного аппарата, которые с чисто атеистических позиций, взяв на себя функцию арбитра, выступили резко против данной дисциплины. Так, бывший зам. руководителя Аппарата Правительства РФ А.Волин заявил: «Как светское государство Российская Федерация не должна позволять преподавать в государственной школе любое религиозное учение. По-моему, от этого документа веет средневековьем и мракобесием. Почему мы считаем, что нравственность – это прерогатива одной из десятка мировых религий?». Его

поддержал и бывший Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ Г.Селезнев, мотивируя свою позицию тем, что в России церковь отделена от государства, и что введение курса «Основ православной культуры» может негативно сказываться на взаимоотношении религиозных конфессий.

Очевидно, в официальной государственной политике светского государства откровенно атеистической позиции государственных деятелей не должно быть. Точнее, атеизм тоже должен быть отделен от государства, а не присваивать себе функции арбитра.

Прошедшие в обществе дискуссии позволили разработчикам концепции преподавания в школе религиозно-ориентированных дисциплин сделать ряд выводов:

во-первых, целесообразно выйти на решение более широкой проблемы – духовно-нравственного воспитания школьников, а не заикливаться только на «Основах православной культуры», с подключением потенциала не только Русской Православной Церкви, но и других конфессий. Если говорить об «Основах православной культуры», то повсеместное преподавание этого предмета сопряжено с преодолением немалых трудностей. Одна из них связана с решением духовно-нравственных проблем самого общества, о чем сказал ныне Митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий: «Основы православной культуры – это как лекарство: им можно отравиться а можно и вылечиться. Если мы будем учить детей, а сами вести жизнь беспорядочную, то это не приведет к положительному результату. Сегодня, к сожалению, взрослые сами зачастую не могут объяснить детям, что такое православная традиция, культура, православный образ жизни. Сначала надо просвещать взрослых» (Коршуль. 2008). Эту мысль можно продолжить: один час в неделю плохого преподавания «Основ православной культуры» может перечеркнуть многие усилия Церкви по воспитанию молодежи;

во-вторых, дискуссии показали, что соработничество Церкви и государства не исключает возникновения конфликтных ситуаций, что в диалоге

с внешним миром священнослужители вынуждены овладевать и «внешней» мудростью, чтобы поставить ее на службу Церкви; наконец,

в-третьих, становится очевидным, что не только Россия, но и весь мир проходят через полосу глубокого кризиса, который связан с кризисом человеческой личности, утратой духовности, культуры и нравственности. Взамен приходят культ низменных страстей, человеческого эгоизма, власть денег. Руководство Русской Православной Церкви считает, что от выбора ценностных ориентиров – материальное потребление или духовное совершенствование – зависит, будет существовать род человеческий или нет. Если этого не понять и не суметь принять надлежащих мер в сфере образования и воспитания молодых поколений, никакие экономические и политические программы не смогут ничего изменить к лучшему. Они будут разбиваться о своекорыстное стремление к наживе любыми средствами при полном отсутствии критериев добра и зла.

Размывание указанных критериев становится одной из определяющих тенденций развития современного человечества, тенденция эта охватила и сферу образования. К примеру, в свое время на утверждение Конгресса США был предложен законопроект, устанавливающий в распорядке дня государственных школ «минуты молчания» для того, чтобы каждый учащийся имел возможность в тишине обратиться с молитвой к тому богу, в которого он верует. Казалось бы благое дело! Однако законопроект был отклонен, как нарушающий права атеистов, которые в этом случае обязаны были молчать целую минуту просто так.

И вот в России решение принято: с 1 сентября 2012 года ученики 4-х классов начали изучать новый предмет – «Основы религиозных культур и светской этики» – комплексный учебный курс, включенный Министерством образования и науки РФ в школьную программу в качестве федерального компонента во всех субъектах РФ. Курс включает шесть предметов (модулей), из которых ученики по своему выбору или по выбору своих родителей (законных представителей) могут избрать одно направление для изучения:

- Основы православной культуры;
- Основы исламской культуры;
- Основы буддийской культуры;
- Основы иудейской культуры;
- Основы мировых религиозных культур;
- Основы светской этики.

Учебно-методические материалы по курсу разработаны сотрудниками Федерального министерства образования совместно с представителями различных конфессий и ориентированы на преподавание не в вероучительном аспекте (молитв и религиозных обрядов на уроках не будет), а в историческом и культурологическом аспектах. Причем культурологический подход выбран в качестве методологического принципа разработки всех учебных пособий, как способствующий формированию у учащихся первоначальных представлений об основах религиозных культур и светской этики, и учитывающий уже имеющийся круг знаний учащихся, а также межпредметное взаимодействие.

Преподавать дисциплину будут только светские учителя, и именно от мировоззренческих ориентиров конкретного учителя напрямую будет зависеть характер того воспитания, которое он будет «воссоединять» с образованием.

Между тем сегодня многие учителя средней школы в принципе убеждены в том, что человека нельзя насильно приводить к религии, тем более детей четвертых – пятых классов, необходимо, чтобы дети подросли и сами определили – быть им религиозными или нет; другие, напротив, считают, что в возрасте 10-11 лет подросток наиболее подходит для восприятия религиозно ориентированных предметов.

Что показал первый год преподавания «Основ православной культуры», осуществленного в порядке эксперимента? – Согласно данным опроса, проведенного Общественной палатой, только 1,8 процента родителей заметили какое-то усложнение отношений детей. А 30 процентов считают, что их дети стали добрее и терпимее. Из всех школ, которые были вовлечены в проект, «раздается дружный стон учителей: мало часов, надо больше! И детям

интересно, и нам» (См.: Церковь в режиме on-line. Росс. газета. 2011. 11 февраля. с.11).

Священноначалие православной Церкви считает, что задача не в том, чтобы все дети стали верующими, пришли в церковь, а в том, чтобы дети и взрослые прикоснулись к прекрасной одухотворенной культуре прошлого – в надежде, что восстановленные храмы не будут больше разрушать, а будут беречь, хранить и гордиться ими как образцами православной культуры и истории (См.: Нижегородский рабочий. 2011. 13 декабря, с.7).

Особый круг проблем связан с деятельностью религиозных организаций **в армии, в правоохранительных органах и в пенитенциарных учреждениях.** Специфика этих сфер состоит в том, что личная свобода человека в них ограничена либо строгой системой подчинения, либо в пенитенциарных учреждениях строгой системой наказания.

Однако военнослужащие и работники правоохранительных органов обладают правом свободы совести, как обладают им и заключенные. Таким образом, задача государства состоит в том, чтобы предложить такие формы сотрудничества с религиозными объединениями, которые способствовали бы реализации их прав без ущерба для службы, общества и государства. В частности, немаловажным аспектом этой сферы государственно-церковных отношений является участие религиозных объединений в реализации воспитательных функций государственных органов.

В 2009 году государством было принято важное решение о введении в Вооруженных Силах института военного духовенства, который успешно функционировал в армии и на флоте дореволюционной России, и который существует во многих современных государствах. Эффективность службы войсковых священников (капелланов) в системе военной организации иностранных армий, нередко выполняющих функции психологического сопровождения деятельности вооруженных сил, общепризнана.

Воссоздание же этого института в современной России потребовало проработки ряда проблем, связанных с поликонфессиональным характером

Российской Федерации (требовалось определить перечень религиозных объединений, сотрудничающих с органами военного управления), и обусловленных спецификой системы военной организации, основанной на строгой субординации (требовалась проработка правовых механизмов реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания).

Первоначально было предусмотрено, что если более 10% личного состава бригады или дивизии заявят о принадлежности к одной из основных конфессий, то священнослужитель этой конфессии может быть включен в ее штат. В первую очередь эту работу решено проводить в соединениях и на базах, дислоцированных в Армении, Таджикистане, на Украине, в Киргизии, Абхазии и Южной Осетии.

Но поскольку в целом правовая база деятельности военных священников в Российской армии до конца не сформирована, сохраняются опасения умаления прав представителей религиозных меньшинств, что показала дискуссия в рамках «круглого стола», проведенного в пресс-центре Славянского правового центра по теме: «Религиозная политика России: от свободы совести к обязательной государственной идеологии?» (Религия и право. 2010. №1. с.22-25).

Указанными сферами и проблемами не исчерпывается весь комплекс государственно-конфессиональных отношений. Более того, по мере развития общества и государства можно спрогнозировать дальнейшее их усложнение, что потребует совершенствования законодательства в этой области.

Режим отделения Церкви от светского государства с правовой точки зрения не означает отделение Церкви и от гражданского общества. Религиозные объединения являются органической частью общества, оказывая существенное влияние на все стороны его жизнедеятельности, в особенности на формирование духовных, нравственных, семейных и профессиональных ценностей. Более того, Церковь остается единственным институтом, объединяющим все слои общества, – от олигархов до бомжей.

Действующее законодательство Российской Федерации не препятствует членам Церкви участвовать наравне с другими гражданами не только в управлении делами государства, выборах в органы государственной власти и местного самоуправления, но также в деятельности институтов гражданского общества – политических партий и движений, других общественных объединений. Святому Иоанну Кронштадскому принадлежат такие слова: «Всякий из нас есть член, с одной стороны, Церкви или благодатного Царства Божия на земле, члены которого должны преуспевать непрестанно в вере, правде и благочестии, а с другой стороны, – член гражданского общества или великого политического тела, называемого государством. Тому и другому обществу, церковному и гражданскому, каждый из нас обязан верно служить и во всем повиноваться его властям в пределах правды и закона; общественное благо предпочитать своему частному и, в случае нужды, не щадить для него своего здоровья, сил, спокойствия, имущества, даже самой жизни».

Современная религиозная практика подтверждает, что режим отделения Церкви от государства не стал препятствием для все расширяющихся в последние годы контактов священнослужителей Русской Православной Церкви с представителями государственной власти. И не только на церковных торжествах и в храмах, на светских мероприятиях, но также в составе различных правительственных, консультативных и иных органов. Соработничество Церкви и государства в сферах образования, здравоохранения, патриотического воспитания и других позволяет Церкви обращаться к народу и властям, проповедовать и открыто высказывать свою позицию по злободневным проблемам жизни общества. Более того, Церковь призывает на государственных деятелей благословение Божие.

Что касается государственных структур, то, опираясь на авторитет Православной Церкви, они имеют возможность принимать более взвешенные решения, особенно по вопросам социальной, нравственной и духовной направленности.

Однако проблема состоит в том, что не все православные христиане готовы воспользоваться своими гражданскими правами и свободами, нести обязанности. Некоторые из них, в том числе священнослужители, понимают принципы отделения Церкви от государства таким образом, что на деятельность религиозных объединений якобы не распространяется светское законодательство, и в частности нормы трудового, гражданского, семейного, административного и иных отраслей права. Что, мол, отношения между религиозными объединениями регулируются только каноническим правом. Естественно, это ведет к пассивности и ненужной их самоизоляции в обществе. И, видимо, не случайно, газета Нижегородские епархиальные новости (2008. №3. с.3) сообщала о том, что в последнее время во многих регионах страны наблюдается спад деятельности Церкви.

Между тем хорошо известно, что каждый православный христианин имеет статус гражданина РФ. А этот статус означает устойчивую правовую связь гражданина с государством, которая выражается в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности. Эта связь основывается на признании и уважении государством достоинства, основных прав и свобод человека. Поэтому и православные христиане в силу своего гражданского долга обязаны подчиняться требованиям действующего законодательства, о чем говорится в Священном Писании: «Иисус сказал ... отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк. 12:17). Поэтому Церковь неизменно призывает своих пасомых быть законопослушными гражданами земного отечества.

Более того, права (гражданские, политические, социальные, экономические и культурные) нужны христианину, прежде всего для того, чтобы, обладая ими, он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к «подобию Божию», исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом и иными человеческими сообществами.

В принципе необходимо ответить на более широкий вопрос: каково **соотношение** и принципы взаимодействия **государственного**

законодательства и канонического права, основу которого составляет Божие Откровение? Как поступать в тех случаях, когда между религиозным и светским правом возникает очевидное или принципиальное противоречие? Исчерпывающий ответ на этот вопрос содержится в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви.

Исторически религиозное и светское право происходят из одного источника и долгое время являлись лишь двумя аспектами единого правового поля. Вот почему современное государственное законодательство содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, призванных не к тому, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а к тому, чтобы он не превратился в ад (Социальная концепция ... 2001. с.65). И Православная Церковь с подобающим уважением относится к Российской правовой системе.

Но в то же время Церковь всегда подчеркивает незыблемую границу законопослушания для своих чад. Во всем, что касается исключительно земного порядка вещей, православный христианин обязан повиноваться законам, независимо от того, насколько они совершенны или неудачны. Когда же исполнение требования закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха в отношении Бога и ближнего, христианин призывается к подвигу исповедничества ради правды Божией и спасения своей души для вечной жизни. Он должен открыто выступать *законным образом* против безусловного нарушения обществом или государством установлений и заповедей Божиих, а если такое законное выступление невозможно или неэффективно, занимать позицию гражданского неповиновения.

Сказанное в полной мере относится и к религиозным организациям Русской Православной Церкви, которые, реализуя правоспособность юридического лица, должны руководствоваться в своих взаимоотношениях с другими субъектами права нормами действующего законодательства, а не собственными правилами и установлениями.

Архиепископ Иоанн (Шаховской) в одном из своих сочинений указывал, что «отделить Церковь никому и ни от чего не удастся». Несомненно, что земное законодательство не может принудить человеческую личность отказаться от веры в Бога. Несомненно и то, что для возгревания в сердце веры нет необходимости в государственных законах. В этом смысле законы не являются препятствием в духовной жизни. Об этом наглядно свидетельствует история православной Церкви, ведь и в период раннего христианства, и в годы жестоких гонений на Церковь, и во время относительного общественного спокойствия православные христиане отличались законопослушанием, подавая пример исполнения мирских законов, независимо от того каков был конфессиональный облик законодателя. Поэтому, как бы государство ни отделяло Церковь от себя и себя от Церкви, законы государства, не противоречащие заповедям Божиим, религиозные организации Русской Православной Церкви и члены Церкви обязаны выполнять.

Итак, провозглашенный в Конституции РФ принцип отделения Церкви от государства вовсе не означает, что государственные законы не обязательны для религиозных организаций и их членов.

Между тем существует еще одна сторона этой проблемы, на которую святейший Патриарх Алексий II неоднократно обращал внимание Церкви. Некоторые силы, которые самозвано выдают себя за единственно и подлинно православных, выражающие мнение будто бы всей Церкви, искусственно возбуждают церковный народ и сеют апокалиптический страх, который часто парализует волю и отводит людей от активной не только духовно-религиозной, но и общественно полезной деятельности. Подобная раскольническая активность подменяет разумную церковную жизнь противостоянием мнимым «отступникам», «предателям Православия», и это явление процветает на почве невежества, отсутствия культуры и интеллектуального развития.

В наши дни затронутая проблема приобретает все большую актуальность. Дело в том, что наступление апостасии столь многообразно, что борьба с нею посредством правовых средств неизменно запаздывает и часто является

малорезультативной, так что юристы, равно как и специалисты других сфер и отраслей знаний, расписываются в собственной бессилии оказать ей серьезное противодействие.

II. Важнейшим базовым конституционным принципом государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений является **равенство религиозных объединений перед законом**. Равноправие всех конфессий и всех верующих граждан последовательно выводится из принципа свободы совести и подразумевает запрет какой бы то ни было дискриминации по религиозному признаку, признание равенства представителей всех конфессий перед законом. Эти идеи были фундаментально разработаны и закреплены в международных правовых актах – Европейской конвенции о защите прав человека 1950 года и в Декларации Генеральной ассамблеи ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 года, а затем – и в конституциях большинства демократических стран.

Правоприменительная практика Российского государства по реализации данного принципа включает два аспекта:

Во-первых, недопущение каких-либо преимуществ ни для одной конфессии, недопущение перерастания межконфессиональных противоречий в открытое противостояние, и чтобы деятельность религиозных объединений не нарушала прав человека и реализация религиозных потребностей одних граждан не ущемляла бы интересов других;

Во-вторых, никакое религиозное объединение не может быть подвергнуто каким-либо ограничениям по сравнению с другими.

Иначе говоря, позиция светского Российского государства в сфере государственно-церковных отношений нейтральна, т.е. оно не становится на сторону какой-либо религии, религиозного или атеистического мировоззрения, отказывается выборочно предоставлять религиозным объединениям привилегии или финансировать их культовую, образовательную, миссионерскую и прочую деятельность (исключение может делаться только для благотворительности). Таким образом, долгие десятилетия

государственного атеизма в нашем отечестве сменились религиозным плюрализмом.

Отсюда сложная проблема: появление в последние годы в стране различного рода мистических сект и зарубежных миссионеров, пагубно влияющих не только на психику людей, но и на их физическое здоровье. С одной стороны, эта ситуация «вписывается» в принцип религиозного плюрализма и светское понимание толерантности, а с другой – невероятно сложно соблюсти равенство перед законом верований, калечащих душу людей, не нарушая при этом свободу совести и свободу вероисповедания их адептов. Вот почему свобода вероисповедания и равенство религий перед законом не в состоянии гарантировать гражданину духовное здоровье. По этому поводу кто-то остроумно заметил: «Свобода вероисповеданий характеризует общество как нравственно больное, ибо оно никак не беспокоится о поиске истины. Это все равно, что вам предложили для поддержания здоровья набор пилюль, среди которых пилюли, укрепляющие здоровье, перемешаны с губительными для здоровья пилюлями. И все они охраняются законом в равной мере и гражданин самостоятельно, на свой страх и риск может выбрать любую пилюлю. Так, что если вы будете пользоваться губительными для души пилюлями закон не нарушится и демократия восторжествует».

Не подлежит сомнению, что глубинные процессы во всех сферах жизнедеятельности общества и государства имеют культурно-исторические и религиозные корни, от которых религиозный плюрализм «не вправе» абстрагироваться. Осознанно или неосознанно общество (в своем большинстве) отдает предпочтение той конфессии или тем конфессиям, которые сыграли непреходящую роль в становлении, развитии и укреплении государственности, формировании менталитета нации. И хотя принципы светского государства противятся правовому закреплению этих предпочтений, в отдельных случаях они могут получать законодательное выражение (пример тому Великобритания). В таком государстве одно из религиозных объединений (реже – несколько) может получать **особый статус**, но при этом общество

стремится к тому, чтобы привилегированное положение одного объединения не вело к ущемлению прав других.

В этом контексте в начале 1997 года святейший Патриарх Алексей II заявлял: «Нельзя не оценивать положительно закрепленный в законодательстве принцип равенства религий перед законом. Наша Церковь не призывает к каким-либо гонениям на неправославных россиян. Она знает, что такие гонения всегда порождают напряжение в обществе и приводят к обратному результату, нанося ущерб церковной миссии.

В то же время принцип равенства религий и конфессий перед законом нельзя воспринимать как провозглашение их равнозначимости, равновеликости. Если нам говорят, что нет никакой разницы между Православной Церковью, сформировавшей исторический облик России, Церковью, к которой принадлежит большинство верующих граждан страны, и какой-нибудь группой из 10 человек – это абсурд. Если утверждают, что наша Церковь и эта группа должны иметь где-то равное количество храмов, равное представительство при обсуждении насущных для нас вопросов, равное время на государственном телевидении, – это уже дискриминация многих миллионов православно верующих.

Целиком согласен, что права религиозных меньшинств должны уважаться. Но не в ущерб остальным гражданам, ибо в противном случае человек, принадлежащий к большинству, окажется в худшем положении» (Патриарх Алексей II. 1997). Позднее данная интерпретация конституционного принципа равенства религиозных объединений перед законом получила закрепление в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 г.): «церковь вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического, культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию».

Итак, очевидно, что действующая Конституция РФ вобрала в себя базовые принципы либеральной политической культуры Запада, и вместе с тем

в 90-х годах продолжало действовать достаточно либеральное законодательство о религиозных объединениях, в частности Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий». Либеральный характер законодательства заключался в том, что оно, устанавливая юридическое равноправие всех конфессий, *фактически* ставило в приоритетное положение те религиозные организации, которые получали значительную финансовую поддержку из-за рубежа, в то время как традиционные для России Православная Церковь, мусульманская и буддийская общины находились в тяжелейшем материальном состоянии.

В условиях отсутствия правового регулирования иностранной миссионерской деятельности религиозных организаций, к тому же обладавших значительным организационным и финансовым потенциалом, стала возможной массированная атака зарубежных религиозных миссий и культов на традиционный менталитет российских народов, рассматривавших Россию как полигон для духовного освоения (Михайлов Г.А. 2000).

В 1994 году в стране действовало около 5 тысяч организаций без регистрации своих уставов. Религиозная «пена» включала от экстремистов до откровенных авантюристов, махинаторов и шизофреников (Слобожникова В.С. 2012. с.126).

И как следствие, в стране развернулись острые дискуссии и критика правовой основы религиозной деятельности конфессий. Православная Церковь апелировала к государству, полагая, что оно должно установить правовые ограничения для сектантской религиозной деятельности. Государственные же органы занимали толерантную позицию, считая необходимой активизацию проповеднической деятельности традиционных конфессий.

Большой разброс мнений существовал и в средствах массовой информации. С одной стороны, утверждалось, что высшие органы государственной власти не всегда считаются с правами и законными интересами малых конфессий и проявляют стремление к превращению Русской Православной Церкви в церковь государственную, а с другой стороны, – сама

эта Церковь стремится к сближению с государственной властью. Обращалось внимание и на то, что не вполне согласуются с принципом равноправия религий и церквей перед законом попытки защищать только традиционные массовые религии от «зарубежной религиозной экспансии» и прозелитизма (имеется в виду вербовка новых членов в церковь путем предложения материальных или социальных выгод, психологического давления либо угроз).

Призывы к власти церковных деятелей и религиозной общественности принять протекционистские меры по отношению к традиционным конфессиям дополнялись ростом обеспокоенности в обществе деятельностью деструктивных сект, ставящих под угрозу имущество, здоровье и саму жизнь неопитов (новообращенных). Ученые и политики, отражающие эти настроения, настаивали на усилении роли государства в вопросах, касающихся религиозной сферы. С середины 90-х годов их позиции усиливаются, и принимается новый Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года.

III. Концептуальное значение Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ в развитии статуса религиозных организаций

Отличительной чертой Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» является попытка законодателя в определенной мере учесть собственный – уникальный и противоречивый – исторический опыт религиозного развития России. Наиболее значимыми его сторонами являются: длительное доминирование православия в статусе государственной религии; многонациональный и поликонфессиональный состав населения; наконец, семидесятилетний период государственного атеизма, когда целью официальной политики была полная ликвидация религии. И вот в преамбуле Федерального закона появилась запись:

«Федеральное Собрание Российской Федерации, подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство

перед законом независимо от отношения к религии и убеждений, основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и *другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России*, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, принимает настоящий Федеральный закон». Подчеркнув «особую роль православия», законодатель тем не менее особо не выделил правовой статус Русской Православной Церкви по сравнению с другими конфессиями, установив равное юридическое положение для всех зарегистрированных религиозных организаций, и это в полной мере отвечает требованиям ч.1 ст.14 Конституции РФ: «Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Принципиальное и концептуальное значение имеют нормы Закона, относящиеся к **организационно-правовому статусу религиозных объединений**.

Прежде всего закон внес существенные изменения в само определение религиозного объединения; им признается такое добровольное объединение, которое создано гражданами Российской Федерации, иными лицами, постоянно и на законных основаниях проживающими на территории Российской Федерации, в целях совместного исповедания и распространения веры и обладает тремя соответствующими этой цели признаками:

- 1) наличие вероисповедания;
- 2) совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- 3) обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Другим важным законодательным нововведением явилась новая типология религиозных объединений: по закону они могут существовать как религиозные группы и как религиозные организации, которые, в свою очередь, могут быть местными и централизованными.

До сих пор в религиоведении существует иная, так сказать, научная и довольно устаревшая типология религиозных объединений, которые группируются в три типа: церковь, деноминация, секта.

Религиозной группой признается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица. Помещения и необходимое для деятельности религиозной группы имущество предоставляются в пользование группы ее участниками.

Граждане, образовавшие религиозную группу с намерением в дальнейшем преобразовать ее в религиозную организацию, уведомляет о ее создании в начале деятельности органы местного самоуправления.

Религиозной организацией признается добровольное объединение граждан РФ, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории России, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и в установленном порядке зарегистрированное в качестве юридического лица. Статус юридического лица позволяет религиозным организациям иметь в собственности обособленное имущество и отвечать по своим обязательствам этим имуществом, и тем самым – самостоятельно участвовать в хозяйственном обороте, быть полноправными субъектами имущественных и иных гражданско-правовых отношений.

Законодатель относит религиозные организации к некоммерческим организациям, т.е. они не преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяют полученную прибыль между их учредителями (участниками). Иначе говоря, последние не сохраняют имущественных прав, в том числе права собственности.

Кроме того, правоспособность религиозных организаций является специальной в том смысле, что они могут иметь лишь те гражданские права и нести лишь те обязанности, которые соответствуют целям деятельности, предусмотренным в их учредительных документах. Из этой общей нормы,

логически развитой в п.3 ст.50 Гражданского кодекса РФ, следует, что религиозные организации Русской Православной Церкви как некоммерческие организации помимо своей основной культовой деятельности «могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям».

Описание цели деятельности религиозных организаций Русской Православной Церкви с использованием юридической терминологии представляет определенную сложность. Это связано в первую очередь с тем, что конечная цель деятельности Церкви Христовой находится за гранью видимого мира, между тем право оперирует «мирскими», а не духовными категориями. В связи с этим, во избежание возникающей при определении церковных целей терминологической путаницы, необходимо сосредоточить внимание на видимых и, так сказать, осязаемых средствах достижения Церковью своих, по существу, духовных целей. И действительно, указание пути к достижению Царства Божия, стяжания Святого Духа, спасение душ верующих, являясь основными целями Церкви Христовой, не вписываются в рамки земного права, поскольку их существование не связано с юридическими фактами и не порождает правовых последствий. В то же время отдельные церковные обряды, в частности богослужения, представляя собой одно из средств достижения церковных целей, имеют в определенных своих проявлениях юридическое значение. Действительно, для совершения богослужения необходимы действия, сопряженные с приобретением церковной утвари, а также с пользованием и распоряжением церковными зданиями и иным имуществом религиозных организаций. В связи с изложенным представляется вполне оправданным использование закрепленной п.1 ст.6 Федерального закона формулировки, согласно которой целью деятельности религиозных организаций является **совместное исповедание и распространение веры.**

Религиозные организации в зависимости от территориальной сферы своей деятельности подразделяются на местные и централизованные.

Учредителями местной религиозной организации могут быть не менее 10 граждан Российской Федерации, достигших возраста 18 лет, объединенных в религиозную группу, у которой имеется подтверждение ее постоянного проживания в одной местности либо в одном городском или сельском поселении на протяжении не менее 15 лет, выданное органами местного самоуправления.

Централизованной религиозной организацией признается структура, состоящая в соответствии со своим уставом не менее чем из 3 местных религиозных организаций.

В России установлен регистрационный порядок создания религиозных организаций, который новый Закон несколько усложнил. Решение о госрегистрации принимает Министерство юстиции России и его территориальные органы в субъектах Федерации. Законом установлены и основания для отказа в регистрации:

- если цели и деятельность религиозной организации противоречат Конституции и российскому законодательству;
- создаваемая организация не признана в качестве религиозной;
- устав и другие представленные документы не соответствуют требованиям российского законодательства или содержащиеся в них сведения не достоверны;
- если в едином государственном реестре юридических лиц ранее зарегистрирована организация с тем же наименованием;
- учредитель (учредители) неправомочен.

Отказ в регистрации может быть обжалован в суд.

Важнейший смысл этих нововведений состоит в том, что религиозные объединения (группы и организации) вправе создавать исключительно граждане РФ. Иные лица, в том случае, если они постоянно и на законных основаниях проживают на территории Российской Федерации, вправе по

смыслу Федерального закона быть лишь участниками религиозных объединений. К числу участников религиозных объединений относятся иностранные граждане, имеющие разрешение на постоянное проживание и вид на жительство, выданные органами внутренних дел. Фактически законом установлен запрет на деятельность иностранных религиозных организаций на территории России, и им может быть предоставлено лишь право открытия своих представительств, согласно Положению о порядке регистрации, открытия и закрытия в Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций, утвержденному постановлением Правительства РФ от 2 февраля 1998 г. №130. При этом они не могут заниматься культовой и иной религиозной деятельностью, и на них не распространяется статус религиозного объединения.

Если каноническое подразделение Русской Православной Церкви не желает по каким-либо причинам регистрироваться в качестве религиозной организации, отказываясь тем самым от прав юридического лица, оно вправе осуществлять свою деятельность исключительно на основе внутренних документов Русской Православной Церкви. Для этого вовсе не требуется получение статуса религиозной группы. Наличие такого статуса нельзя считать и необходимым условием государственной регистрации канонических подразделений Русской Православной Церкви в качестве юридических лиц, ведь для осуществления такой регистрации соответствующему каноническому подразделению требуется лишь подтверждение вышестоящей религиозной организации Русской Православной Церкви о вхождении в ее структуру.

Согласно действующему законодательству и внутрицерковным документам Русская Православная Церковь является централизованным религиозным объединением, включающим находящиеся в иерархическом соподчинении канонические подразделения, в том числе Московскую Патриархию, синодальные учреждения, Экзархаты, епархии, благочиния, приходы, монастыри, духовные учебные заведения, братства, миссии,

представительства и подворья, находящиеся на территории Российской Федерации и за границей.

Федеральный закон о свободе совести и о религиозных объединениях существенно конкретизировал **права и условия деятельности религиозных организаций**, которые регулируются не только государственным законодательством, но также целым рядом внутренних правил религиозных организаций, иначе говоря, – каноническим правом Русской Православной Церкви.

Сущность позиции государства в этой сфере заключается в следующем: религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, которые уважаются государством, но при наличии двух условий: 1) если эти установления не противоречат законодательству Российской Федерации, и 2) если религиозные организации обладают той правоспособностью, которая предусмотрена в их уставах (кстати говоря, устав тоже должен отвечать двум условиям: он должен быть утвержден учредителем религиозной организации или централизованной религиозной организацией и отвечать требованиям гражданского законодательства Российской Федерации).

Религиозные организации Русской Православной Церкви вправе:

- основывать и содержать культовые здания и сооружения, а также места, специально предназначенные для проведения богослужений и иной религиозной деятельности;
- беспрепятственно совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии в культовых зданиях и сооружениях, в учреждениях и предприятиях религиозных организаций, на кладбищах, в крематориях, в жилых домах;
- совершать религиозные обряды в лечебно-профилактических и больничных учреждениях, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов.

Закон предусматривает также возможность совершения религиозных обрядов и церемоний в воинских частях, в местах лишения свободы и местах содержания под стражей. Однако здесь практические гарантии реализации этих прав в Законе не прописаны. В частности, не ясно, что имеется в виду под

«учетом требований воинских уставов» и «соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства», на которые ссылается ст.16 Закона;

- учреждать предприятия, издающие богослужебную литературу и производящие предметы культа, создавать заведения, дающие религиозное образование, приглашать иностранных граждан в качестве проповедников, преподавателей, священнослужителей и проч.

Следует подчеркнуть, что всеми перечисленными правами наделены лишь те религиозные объединения, которые зарегистрированы в качестве юридического лица.

Несомненно, новая общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России к концу 90-х годов XX столетия, привела к кардинальному изменению места и роли религии и религиозных объединений в жизни российского общества. Выросли их общественный престиж и воздействие на различные стороны жизнедеятельности общества и государства. В стране зарегистрировано более 60 вероисповеданий, объединяющих 23 тысячи религиозных организаций, из которых около 50% составляют приходы и другие учреждения Русской Православной Церкви. Доля верующих в составе населения страны (уровень религиозности) в целом по России возросла приблизительно с 20% в 80-х гг. XX в. до 50-80% (в зависимости от региона) в первом десятилетии XXI в. Социологические исследования показывают, что значительно изменилось отношение к религии и конфессиям нерелигиозной части населения России. Укрепляется мировоззренческая и религиозная терпимость, становится более объективным отношение к роли религии в истории, возрастает интерес к религии как культурному явлению (Сгибнева О. 2012. с.75). «Раскрепощение» деятельности конфессий в существенной мере способствует мирному устройению российского общества в эпоху секуляризма, пытающегося подорвать самые основы религиозной веры.

Принятие Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» конечно не разрешило, да и не могло разрешить всех проблем правового характера, которые возникают в правоприменительной практике

взаимоотношений государственных органов и религиозных конфессий. С одной стороны, по оценке независимой экспертизы Закон в основном соответствует международно-правовым обязательствам России как участницы Международного пакта о гражданских и политических правах, а также участницы Европейской конвенции о защите основных прав и свобод человека. Но, с другой стороны, по мнению той же экспертизы, отдельные его положения носят дискриминационный характер. И не случайно спектр восприятия этого Закона разворачивается от крайне критической позиции тех, кто настаивает на его негативной оценке, до апологетической позиции тех, кто ссылается на практику многих демократических стран, где при сохранении принципа свободы совести, государство достаточно жестко регулирует деятельность религиозных объединений.

В частности, дискриминационный характер отдельных положений Закона подчеркнул бывший Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации О.Миронов в своем Заключении «О проверке соответствия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» международно-правовым обязательствам Российской Федерации».

Вот его позиция:

1) В Законе о свободе совести (п.3 ст.3) говорится, что установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается. Однако, помимо декларированного в преамбуле привилегированного положения отдельных религий, ряд других положений закона устанавливает нормы, по сути ведущие к дискриминации отдельных конфессий на практике.

2) Противоречит как Европейской конвенции, так и прецедентам органов Совета Европы, являющимся важным источником «европейского» права, проводимое в Законе (ст. ст. 6 и 7) разграничение между религиозными организациями и религиозными группами.

3) В соответствии с п.1 ст.7 Закона религиозные группы, в отличие от религиозных организаций, не подлежат государственной регистрации и не пользуются правами юридического лица.

4) Закон, кроме того, проводит различие между «традиционными» религиозными организациями и религиозными организациями, у которых отсутствует «документ», подтверждающий их существование на соответствующей территории не менее 15 лет (п.1 ст.9 Закона).

5) «Нетрадиционные» религиозные организации лишены многих прав и в соответствии с п.3 ст.27 Закона:

- не могут просить Президента РФ об отсрочке от призыва на военную службу и освобождении от военных сборов своих священнослужителей, а также не имеют права на замену военной службы альтернативной службой для последователей данной религии;

- не могут создавать образовательные учреждения;

- не могут обучать детей религии вне рамок образовательной программы;

- не могут иметь при себе представительство иностранной религиозной организации;

- не могут принимать иностранных граждан для занятия профессиональной, в том числе проповеднической, религиозной деятельностью. И т.д. – всего 10 «не могут».

По мнению О.Миронова, дискриминационным является также противоречащий как Европейской конвенции, так и Международному пакту о гражданских и политических правах п.2 ст.13 Закона, который гласит, что «представительство иностранной религиозной организации не может заниматься культовой и иной деятельностью, и на него не распространяется статус религиозного объединения».

И здесь с научно-правовой точки зрения было бы логичным различать в законодательстве термины «традиционная» и «нетрадиционная» религии. Однако современные российские правовые нормы не оперируют этими

терминами. Причина кроется в трудности их определения, особенно в условиях политизированной риторики, которая сегодня сохраняется. К примеру говоря, сразу же после принятия Закона Уполномоченный по правам человека в РФ О.Миронов заявил: «... в Законе о свободе совести по сути закрепляется привилегированное положение отдельных религий».

В преамбуле Закона делается ссылка на «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и ссылка на уважение «христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия России».

Возникают два вопроса. Во-первых, какие религии подпадают под определение «других» – католицизм, униатство, или же, скажем, пятидесятники и молокане, которые также могут рассматриваться как часть исторического наследия России. Во-вторых, означает ли это неуважение к другим религиям, не поименованным в Законе, – конфуцианству, индуизму и т.п. – не являющимся частью этого наследия. При нынешних формулировках преамбулы строгого юридического ответа на эти вопросы не существует».

Тем не менее, *в научном понимании* можно сформулировать объективные факторы, позволяющие исследователю использовать термин «традиционная», не придавая ему политико-правового измерения. К этим факторам относится, прежде всего, степень воздействия данной религии на ментальность и образ жизни народа или группы народов, на становление и развитие государственности и национального самосознания. Очевидно, что эти функции религиозное объединение обретает и реализует при весьма длительном существовании среди значительной части населения.

В России такими функциями обладает прежде всего Русская Православная Церковь. Согласно многолетним социологическим исследованиям, проводимым Институтом комплексных социальных исследований Российской академии наук, православными себя считают 55% населения. И речь, таким образом, идет о самом крупном религиозном объединении России.

На примере Русской Православной Церкви становится очевидным, что сегодня она возрождается не как некая идеологическая или политическая сила, а как совесть народа, призванного осознать грехопадения нашего общества, начавшиеся с реформ Петра I и «логически» продолжавшиеся в течение последующих столетий, реформ, которые несли в себе не только позитивный заряд, связанный с укреплением Российского государства, его армии и флота, но и породили глубокие негативные процессы, связанные с отчуждением народных масс от православия и начавшиеся после того, как сам император, ликвидировав патриаршество, стал во главе Церкви. Получив статус государственной, Церковь как часть государственного механизма уже не могла в полной мере осуществлять свою духовную миссию, ибо стала несвободной.

Не случаен и другой примечательный факт. В декабре 2008 года по итогам конкурса «Имя России» путем народного голосования была выбрана историческая фигура святого Александра Невского как наиболее значимая для судеб нашего Отечества. В исторической памяти народа политическая деятельность Александра Невского ассоциируется с его безграничной любовью к Отечеству и своему народу. И если народ выбирает своим национальным героем именно святого, то это свидетельствует о духовном возрождении, происходящем в сознании многих людей. Важно и другое. В телепередаче, показанной 9 ноября 2008 г., прозвучало интервью одного из мусульманских лидеров, который выступил в поддержку Александра Невского потому, что именно святой князь заложил основы диалога востока и запада, ислама и христианства. Вот почему его имя равным образом дорого всем людям, проживающим в России, независимо от их национальной или религиозной принадлежности.

Являясь крупнейшей и наиболее структурированной религиозной организацией в Российской Федерации, объединяющей около 100 млн. православно верующих граждан, проживающих на канонической территории России и стран СНГ (Смирнова. 2008), Русская Православная Церковь осуществляет сегодня активные контакты с государством, вызывающие в

некоторой части общества неоднозначную реакцию. В средствах массовой информации особый полемический накал вызывает обсуждение вопросов о месте религии в армии и школе, о партнерстве Церкви с государством, о допустимости ее влияния на политические и экономические процессы в обществе. Все это требует научного подхода к выработке государственной политики в сфере межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений.

Есть еще одно важное обстоятельство, характеризующее межрелигиозные отношения в современной России. Традиционные, особенно мировые, религии связанные с этносами, – это устоявшиеся многочисленные объединения. Они ведут диалог, взаимодействуют и сотрудничают друг с другом. Координацией этого взаимодействия в стране занимается Межрелигиозный совет России.

В ноябре 2000 г. в Москве, в Свято-Даниловом монастыре, на Межрелигиозном миротворческом форуме с участием духовных лидеров православия, ислама, иудаизма, буддизма из России и других стран СНГ прозвучал призыв «идти путем мира».

На этом фоне утверждения о том, что в новых условиях Православная Церковь стремится приобрести статус государственной, как правило, носят подстрекательский характер. И в качестве аргумента нередко спрашивают: а почему Православную Церковь часто показывают по телевидению? При этом задающие такие вопросы видимо мало обескуражены тем, что большинство телевизионных каналов буквально оккупированы разного рода магами, экстрасенсами, астрологами, бесконечными показами секса, насилия и жестокости, безудержного смеха и попсы. А вот, Церковь, которая зовет к любви, милосердию и состраданию вопрошающих раздражает.

Конечно, дело не только в телевидении самом по себе, духовное состояние общества далеко не безупречно. Это, в частности, подтвердили результаты опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения зимой 2009 года: только треть граждан считают

необходимым придерживаться принятых в православии нравственных норм; 14% россиян признают христианскую мораль устаревшей. И еще: 73% граждан называют себя последователями православия, хотя в Бога верят только 60% (Опрос. 2009). Парадоксального в этом ничего нет; приведенные данные свидетельствуют о том, что многие люди крещены в детстве, а в сознательном возрасте они не были просвещены и веру в Бога пока не обрели.

По экспертным оценкам, для многих православие является не образом полноценной церковной жизни, а лишь формой культурной идентичности, и лишь около 10-12% из них воцерковлены, т.е. регулярно исповедуются и причащаются (см.: Нижегородские епархиальные ведомости. 2009. №10. с.2). Природа этого феномена объясняется двумя обстоятельствами: **с одной стороны**, в исторической памяти народа (а православными в нашей стране, помимо славянских народов, являются большинство верующих коми, карелов, марийцев, мордвы, осетин, чувашей, хакасов и якутов) запечатлена патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в самые кризисные и переломные периоды: формирования Российского государства, освобождения от татаро-монгольского ига, Отечественных воин. Велика роль Церкви и в современной России – в плане утверждения в нашем обществе самобытной системы духовных ценностей. Это создает для православия объективные предпосылки выступать духовной основой полиэтнической общности. И таким образом, историческая реальность состоит в том, что при нынешнем равенстве всех религиозных объединений перед законом, а это незыблемое конституционное положение, объем выполняемых конфессиями духовно-культурных и социальных функций различен, а значит *разновеликим* является и их влияние в обществе.

А, с другой стороны, Церкви недостает пока миссионерской, просветительской деятельности, ориентированной на воцерковление миллионов граждан, принявших православное Крещение и этим ограничившихся. Только религиозные объединения могут помочь этим гражданам осознать – что значит быть православным сегодня.

Тем более это важно подчеркнуть, что за последние 20 лет Церковь получила такую свободу проповеди и деятельности, какой она не имела никогда в своей истории – ни в первые века христианства, ни при византийской и российской империях, ни тем более в советский период XX века.

Меняется атмосфера внутри самой Церкви, чему способствует возрождение церковного суда, поскольку церковное судопроизводство позволяет архиереям, руководителям Синодальных учреждений, клирикам, монашествующим и мирянам отстаивать свою точку зрения и достоинство, право служения в Церкви. В частности, суд в Русской Православной Церкви осуществляется церковными судами трех инстанций:

а) епархиальными судами, имеющими юрисдикцию в пределах своих епархий. Это суды первой инстанции;

б) общецерковным судом, с юрисдикцией в пределах Русской Православной Церкви. Данный суд рассматривает в качестве суда первой инстанции дела по церковным правонарушениям архиереев и руководителей Синодальных учреждений. Одновременно он является судом второй инстанции по делам по церковным правонарушениям клириков, монашествующих и мирян, подсудных епархиальным судам;

в) судом Архиерейского Собора, с юрисдикцией в пределах Русской Православной Церкви. Является церковным судом высшей инстанции.

Существенную значимость имеет и введение обязательного церковного обучения мирян перед Крещением и венчанием.

Итак, завершая размышления на заданный вопрос, можно сказать кратко: Православную Церковь чаще других религиозных конфессий показывают в телевизионных программах в силу того, что она объединяет значительное большинство верующих граждан России, и они *имеют конституционное право* на просмотр таких телепередач. В то же время эта конфессия является одним из наиболее активных субъектов формируемого в стране гражданского общества.

А вот получение православием статуса государственной религии означало бы несвободу для Церкви, и она к этому статусу не стремится,

официально заявив о своем неучастии в государственной и политической жизни (но, к примеру, ислам не признает отделения религии от политики, ибо Коран ориентирует мусульман на обретение политической власти).

Отсутствие у православия даже единичных признаков статуса государственной религии подтверждается:

1) отсутствием определенной церковной иерархии, стоящей над государственной властью;

2) государственной регистрацией актов гражданского состояния;

3) запретом сопровождения деятельности органов публичной власти религиозными обрядами и церемониями;

4) запретом кадровым службам государственных органов получать, обрабатывать и приобщать к личному делу гражданского и муниципального служащего персональные данные об их религиозных убеждениях;

5) гражданским статусом верующих, религиозная принадлежность которых не имеет юридического значения, она не указывается в официальных документах и является личным делом каждого. Это делается и для того, чтобы данные сведения не были использованы как основание не только для правовых льгот, но и для ограничений.

Наконец, немаловажно и то, что согласно Основам социальной концепции Русской Православной Церкви в особой ситуации, когда власть принуждает верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь призывает своих чад к гражданскому неповиновению.

IV. Свобода совести и свобода вероисповедания как важнейшая конституционная гарантия реализации прав религиозных организаций Русской Православной Церкви

Конституционная характеристика Российского государства как светского органически включает в себя систему **естественных** прав и свобод человека, т.е. тех, которые не даруются, не устанавливаются государством, а как

неотчуждаемые принадлежат каждому от рождения (Конституция ... ст.17). К числу основных из них относятся не только право на жизнь, на свободу, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и другие, но также естественные по своей природе *религиозные права и свободы*. Последние, наряду с другими личными правами и свободами человека и гражданина, признаются высшей ценностью, являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов, а также содержание самой деятельности органов законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления; их признание, соблюдение и защита являются обязанностью государства (Конституция ... ст.2). Это принципиальное положение означает, что все нормы права и практические действия властей должны учитывать в числе других и интересы религиозных организаций, а также верующих. Таково требование Конституции.

В системе религиозных прав и свобод центральное место занимают **свобода совести и свобода вероисповедания**, обеспечивающие реализацию статуса религиозных объединений. Между этими свободами существует глубокая взаимосвязь, и носит она субъективно-объективный характер. Прежде всего в свободе совести человека структурно следует различать две составляющие – его внутреннюю свободу и свободу внешнюю.

Внутренняя свобода совести – это ее субъективная сторона, означающая возможность человека выбирать мировоззренческие ориентиры, определяемые его светским образом жизни, атеистическими убеждениями либо религиозными верованиями. Она позволяет ему в соответствии с нравственным началом, заложенным в природу человека, судить о добре и зле, о честном либо бесчестном поведении, о смысле жизни, иных ее мировоззренческих ориентирах, и в этом контексте внутренняя свобода совести не подлежат правовому регулированию со стороны государства.

С богословской точки зрения внутренняя свобода совести понимается как «голос совести», как «глас Божий», в котором опознается нравственное начало человека.

Внешняя же свобода совести (или ее объективная сторона) – это реализация морально-этических воззрений человека в окружающем его мире, жизнедеятельность которого поддерживается как государством посредством норм правового регулирования, так и институтами гражданского общества посредством норм общественной морали. Вот почему без содействия государства человек не в состоянии реализовать во внешнем мире свою внутреннюю свободу, в том числе свободу совести; необходимы государством защищаемые и иные гражданские права и свободы: вероисповедания, мысли и слова, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны. И лишь светское государство особыми правовыми средствами – а именно посредством введения института свободы совести и свободы вероисповедания – обеспечивает эту **внешнюю свободу совести** как возможность человека не только мыслить, но и поступать в соответствии со своими морально-этическими воззрениями или религиозными убеждениями. Иначе говоря, гражданские свободы в современном обществе становятся условием свободы религиозной.

Таким образом, если *совесть* понимать как систему определенных нравственно-мировоззренческих убеждений человека, то *внутренняя свобода совести* – это его возможность выбирать мировоззренческие ориентиры, а *внешняя свобода совести* – это право исповедовать во внешнем мире в установленных законом рамках любые убеждения, делая между ними свободный выбор. В этом смысле *свобода совести* не относится исключительно к сфере религии, а является более широким понятием (Иванюк О.А. 2010. с.50).

Как юридическое понятие принцип свободы совести начал применяться в мировой практике уже в XVIII – XIX веках, и вызван он был объективными обстоятельствами. Именно в этот период во многих странах начинаются процессы распада системы духовных ценностей, обществом утрачиваются религиозные цели и ориентиры, а государство из инструмента утверждения в обществе божественного закона трансформируется в исключительно земной институт и освобождается, таким образом, от прежних религиозных

обязательств. Религия из «общего дела» превращается в «частное дело» человека (Социальная концепция ... 2001. с.55).

Что касается **свободы вероисповедания**, то в широком смысле слова вероисповедание (от лат. *confessio* – признание, исповедание) понимается в трех аспектах: *во-первых*, как вероучение, как система или совокупность религиозных убеждений человека, мировоззренческим основанием которых является вера. Поскольку с христианской точки зрения вера – осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 11,1; Ин.20, 29), она как внутреннее чувство человека не может быть урегулирована законодательством. В отличие от свободы совести свобода вероисповедания, таким образом, означает свободу не любых, а только религиозных убеждений.

Во-вторых, как словесное, ритуальное или практическое выражение религиозных убеждений. В данном аспекте вера реализуется в открытых формах свидетельства о ней во внешнем мире, и эти формы являются предметом правового регулирования со стороны государства, и предмет этот определяется законодателем как «вероисповедание». Другими словами, свобода вероисповедания объединяет внутреннюю свободу совести (религиозные убеждения человека) и внешнюю свободу совести (урегулированную правовыми средствами практическую реализацию религиозных убеждений).

Наконец, *в-третьих*, свобода вероисповедания понимается как отдельная религия, институционально оформленная религиозная система (например, православие, католичество, ислам, буддизм). В последнем значении слово «вероисповедание» (или «исповедание») широко применялось в юридической и административной лексике вплоть до XX века, затем оно было вытеснено термином «религиозное объединение».

Современная мировая практика правового регулирования принципа свободы совести и свободы вероисповедания претерпела глубокие качественные изменения в послевоенный период в связи с трансформацией всей политико-правовой системы прав человека. В 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН принимается Всеобщая декларация прав человека, в которой

свобода совести провозглашается в качестве одного из основополагающих принципов межчеловеческих отношений, и этот принцип входит в конституции большинства государств. В основание системы прав человека декларация выдвигает религиозно-нравственную категорию – **достоинство человека**: «... все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (ст. 1). Указанное положение получает развитие и закрепление во многих международных актах и национальном законодательстве ряда государств. Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. отмечается, что достоинство личности является свойством, присущим всем членам человеческой семьи, из которого вытекают все неотъемлемые права и на котором основываются свобода, справедливость и всеобщий мир.

На непреходящую значимость религиозно-нравственного измерения достоинства человека обратил внимание X Всемирный Русский Народный Собор (апрель 2006 года), записав в Декларации о правах и достоинстве человека: «Человек как образ Божий имеет особую ценность, которая не может быть отнята. Она должна уважаться каждым из нас, обществом и государством. Совершая добро, личность приобретает достоинство. Таким образом, мы различаем ценность и достоинство личности. Ценность – это то, что дано, достоинство – это то, что приобретается. Вечный нравственный закон имеет в душе человека твердую основу, не зависящую от культуры, национальности, жизненных обстоятельств. Эта основа заложена Творцом в человеческую природу и проявляется в совести. Однако голос совести может быть заглушен грехом. Именно поэтому различению добра и зла призвана содействовать религиозная традиция, имеющая своим Первоисточником Бога» (Декларация ... 2006).

Между тем современное секулярное мировоззрение и связанная с ним юридическая система формируют безрелигиозное видение ценности человеческой личности, в котором религиозно-нравственное измерение

достоинства человека *уже* отсутствует, а сам институт прав человека все менее и менее учитывает нравственное измерение его жизни. «Именно такое нерелигиозное понимание предлагается сегодня в качестве универсального, несмотря на то, что большинство человечества является религиозным» (Доклад ... 2009. с.135).

Что касается Конституции РФ, то в ней в полном согласии с базовыми международно-правовыми нормами свобода совести и свобода вероисповедания гарантируются *каждому*, т.е. не только гражданам России, но также всем лицам, законно находящимся на ее территории, независимо от их гражданской принадлежности (ст.28), а достоинство личности охраняется государством (ч.1 ст.21).

Вместе с тем анализ отечественного конституционного законодательства показывает, что в нем всегда отсутствовала четкая проработка понятийного аппарата, относящегося к религиозной сфере, в частности, нормативное различие свободы совести и свободы вероисповедания, скорее, наоборот, «просматривались» тождественность или близость этих понятий по содержанию.

Так, Конституция СССР 1977 года в статье 52 предельно узко интерпретировала свободу совести, предоставляя верующим только право отправления религиозных обрядов, но ничего не говорила о религиозной проповеди, хотя она «относится в Слову Божьему – Библии и составляет одно из главных значений Церкви на земле» (См.: Протестант. 1989. №3).

Или, в Конституции РСФСР 1978 года было записано: «Гражданам РСФСР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду» (ст.50). В 1990 году указанное положение Конституции получило иную редакцию: «... гражданам РСФСР гарантируется свобода совести и вероисповедания, включая право каждого человека свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в

соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства».

Полное тождество рассматриваемых понятий содержалось и в текущем законодательстве. К примеру, Закон СССР от 1 октября 1990 года №1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» следующим образом определял понятие «свобода совести»: «В соответствии с правом на свободу совести каждый гражданин самостоятельно определяет свое отношение к религии, вправе единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии» (ст.3). В Законе же РСФСР от 25 октября 1990 года №267 «О свободе вероисповеданий» практически тождественное понятие дано свободе вероисповедания: «... свобода вероисповеданий включает право каждого гражданина свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и атеистические убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства» (ст.3).

Аналогичный подход (без акцентирования на специфику рассматриваемых понятий) сохранился и в ныне действующей Конституции РФ: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (ст.28). Не различая структурных составляющих свободы совести и свободы вероисповедания, законодатель оставляет эти понятия весьма «размытыми» по своим юридическим характеристикам.

Однако это обстоятельство не умаляет значимости конституционного провозглашения принципа свободы совести и свободы вероисповедания в силу его направленности на гарантирование *равных условий* для выражения религиозных убеждений представителями всех конфессий. Несколько иной аспект подчеркивается в «Основах социальной концепции Русской

Православной Церкви» указанием на то, что данный принцип служит «... одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества» (Социальная концепция ... 2001. с.55); данный принцип не является препятствием и для партнерских отношений Церкви и государства в социальной, благотворительной, образовательной и другой общественно значимой деятельности.

Как сложная правовая категория свобода совести и свобода вероисповедания разработана в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» и включает в себя не менее шести взаимосвязанных структурных элементов:

первый структурный элемент: право гражданина исповедовать любую религию. Избранный им религиозный императив означает свободу быть членом уже существующих религиозных объединений либо основывать новые. Такой подход в полной мере согласуется с требованием ст.18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года: «Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору».

В этом контексте Конституция РФ в полной мере соответствует международно-правовым актам. И тем не менее проблемы существуют как в законодательстве, так и в правоприменении. Дело в том, что в развитие конституционных гарантий свободы совести и свободы вероисповедания принято уже значительное число законодательных и иных нормативных актов общего и специального назначения, которые, регулируя один и тот же предмет, плохо согласуются, а то и противоречат друг другу. В этой ситуации правоприменитель (включая суды РФ) имеет «свободу выбора» того или иного нормативного акта, нередко – противоправного выбора. К примеру, по иску Управления Минюста России по Республике Татарстан Лаишевским районным судом Республики Татарстан принято решение от 2 февраля 2009 года о ликвидации религиозной организации «Казанская митрополия

Истинноправославной церкви». Суд первой инстанции, исследовав материалы дела, оценив представленные доказательства, пришел к выводу, что допущенные религиозной организацией неоднократные нарушения положений федеральных законов «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и «О некоммерческих организациях» являются достаточным основанием для ее ликвидации в силу статьей 8 и 14 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Здесь районный суд «ошибся» дважды: с одной стороны, проигнорировано положение Гражданского процессуального кодекса РФ о том, что иски о ликвидации местных (низовых) религиозных организаций и централизованных религиозных организаций, находящихся в пределах одного субъекта, должны рассматриваться судом уровня субъекта РФ; с другой стороны, религиозную организацию лишили статуса юридического лица на основании абсурдных мелочных придинок (Лукин В. 2009).

Несомненно исключению подобных нарушений законодательства могли бы в большой степени способствовать Экспертные советы по проведению государственной религиоведческой экспертизы, созданные в феврале 2009 года при Министерстве юстиции РФ и при его Управлениях в субъектах Федерации, поскольку одной из задач проводимых ими экспертиз (имеющих комплексный характер) и является определение религиозного характера организации на основании учредительных документов, сведений об основах ее вероучения и соответствующей ему практики.

Второй структурный элемент: беспрепятственное осуществление в уведомительном порядке религиозных обрядов и церемоний в молитвенных домах, в учреждениях религиозных объединений, воинских частях, лечебных учреждениях, на кладбищах и в крематориях, в домах для престарелых и инвалидов, местах предварительного заключения и отбывания наказания и других местах.

Существенное значение, в частности, имеет установленное Федеральном законом «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 года №76-ФЗ право

военнослужащих на свободу вероисповедания: в свободное от военной службы время они вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях, при этом не имея права отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии. Религиозные обряды на территории воинской части могут отправляться по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств и с разрешения командира.

Принятию Федерального закона №76-ФЗ предшествовало заключение в 1997 году Соглашения о сотрудничестве между Министерством обороны РФ и Русской Православной Церковью, ориентированного на моральное и нравственное воспитание военнослужащих, включая их нравственное и духовное просвещение; социальную защиту военнослужащих и членов их семей; реализацию религиозных потребностей военнослужащих, наконец, восстановление культовых сооружений.

По Соглашению духовенство Церкви получило возможность, согласованную с командованием воинской части, посещать верующих военнослужащих, содействовать обеспечению их духовной литературой, церковными периодическими изданиями, кинофильмами, аудио- и видеоматериалами.

Закон содержит две важнейшие гарантии беспрепятственного осуществления культовых обрядов:

Первая гарантия: установленное уголовным законодательством воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в т.ч. сопряженное с насилием над личностью, умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, а также сопряженное с пропагандой религиозного превосходства, уничтожением или повреждением имущества либо с угрозой исполнения таких действий; совершение таких деяний запрещено и наказывается штрафом, исправительными работами или арестом (ст.148 УК РФ).

За оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии с использованием с этой целью средств массовой информации или в иной публичной форме, а равно путем разрушения или повреждения культовых зданий, сооружений, иных предметов мировоззренческой символики, памятников, захоронений, нанесения на них оскорбительных надписей и изображений также предусмотрены уголовные санкции (ст.214 УК РФ).

Другая гарантия состоит в том, что церковная тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не подлежит допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди (ст. 56 УПК РФ). Фактически данная уголовно-процессуальная норма обеспечивает государственной защитой каноническое предписание православной Церкви о сохранении священнослужителем тайны исповеди (см.: 147-е правило Поместного Карфагенского собора, 120-е правило Номоканона при Большом Требнике).

Третий структурный элемент: право менять религию. Иными словами, никто не должен подвергаться принуждению не только в выборе религии, но и при изменении вероисповедания. При этом запрещается вовлечение малолетних детей в религиозные объединения, а также их обучение религии вопреки воле этих детей и без согласия родителей.

Четвертый структурный элемент: право не исповедовать никакой религии, т.е. относиться к ней нейтрально. Эта конкретизация свободы совести сделана законодателем с учетом исторического опыта страны. Указание на возможность не исповедовать никакой религии снимает социальную напряженность в обществе, в котором миллионы людей не исповедуют никакой религии и вправе руководствоваться атеистическим философским мировоззрением.

Пятый структурный элемент: право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные, а равно атеистические убеждения и действовать в соответствии с ними. Это означает возможность каждого доводить до всеобщего сведения смысл и содержание конкретных вероучений, вести атеистическую пропаганду или опровергать их, выражать свое отношение к

ним непосредственно, через средства массовой информации путем проведения публичных мероприятий, изготовления и распространения печатной продукции.

Российское законодательство ограничивает эту свободу лишь запретом призывов к разжиганию религиозной розни и нетерпимости, а также запретом создания общественных объединений, преследующих те же цели.

Шестой структурный элемент: право каждого на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими. Сразу подчеркнем: религиозное образование можно получить только в учебных учреждениях, созданных религиозными организациями, и его невозможно получить (как впрочем и атеистическое образование) в системе государственных и муниципальных образовательных учреждений страны, поскольку светское государство призвано обеспечить в них и светский характер образования. Иначе говоря, ни атеистические воззрения, ни религиозные верования не могут обладать монополией в образовательном процессе светских учебных заведений.

Приведенные конституционно-правовые нормы о свободе совести и свободе вероисповедания представляют собой обособленную группу юридических норм, образующих самостоятельный правовой институт конституционного права.

Его значение двоякое: во-первых, данный институт характеризует сам статус человека и гражданина и, во-вторых, он является основой для развития особой подотрасли гражданского права, которая регулирует правовое положение религиозных объединений в России. Этот блок государственного законодательства включает в себя нормы Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года, а также принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации и ее субъектов (для самих конфессий, к примеру, для Русской Православной Церкви государственное законодательство – это внешнее церковное право,

регулирующее государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения, ее внешние отношения с институтами гражданского общества – в отличие от канонического права (собственно церковного законодательства), которое регулирует внутреннюю жизнь Церкви).

Современное светское Российское государство, сохраняя религиозно-мировоззренческий нейтралитет в вопросах свободы убеждений и вероисповедания, **гарантирует** равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности; никто не может быть принужден к выражению своих религиозных убеждений или отказу от них. В ряде случаев государство идет на компромисс с религиозными объединениями. К примеру, если убеждениям или вероисповеданию гражданина противоречит несение им военной службы (а согласно ч.1 ст.59 Конституции РФ «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации»), он имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой (ч.3 ст.59 Конституции РФ). Правовой механизм реализации данной конституционной нормы разработан в Федеральном законе «Об альтернативной гражданской службе» от 25 июля 2002 года №113-ФЗ. В частности, Закон определяет эту службу как *особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву*.

Альтернативная служба заключается в обязанности гражданина выполнять полезную для государства и общества деятельность, как правило, за пределами территории субъекта РФ, где он постоянно проживает. Срок альтернативной гражданской службы в 1,75 раза превышает установленный Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву.

Итак, по Закону основаниями для альтернативной гражданской службы являются **убеждения** либо **вероисповедание** гражданина. Между тем правоприменительная практика реализации Федерального закона показала, что

вероисповедание для альтернативной гражданской службы не имеет практического значения, все решают личные пацифистские убеждения призывника, а не конфессиональная позиция по вопросам военной службы. Конституционный Суд РФ еще в 2006 году принял специальное определение о том, что право на альтернативную гражданскую службу никак не зависит от принадлежности к той или иной конфессии и от ее отношения к военной службе.

В России лишь одна религиозная организация – «Свидетели Иеговы» категорически не допускает своих адептов служить в армии. Это подтверждает и статистика: по данным Института прав человека, 85% альтернативников – именно иеговисты, еще 10% – убежденные пацифисты и 5% – представители малых народов. Всего же, по официальным данным Минобороны, с 2004 по март 2009 года на альтернативную гражданскую службу было призвано лишь около 1,5 тысячи человек (Безоружная служба. с.6, 11).

Вместе с тем согласно ч.3 ст.55 Основного Закона страны свобода совести и свобода вероисповедания **могут быть ограничены**, но только в конституционно значимых целях и только федеральным законом. В частности, в целях защиты:

- 1) основ конституционного строя;
- 2) нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц; а также
- 3) для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Данная конституционная конструкция не вполне соответствует Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой «свобода исповедовать свою религию ... подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц». Очевидно, что в сравнении с Конвенцией отечественная Конституция вводит дополнительное ограничение – «обеспечение обороны страны и

безопасности государства». Есть и другой нюанс. Согласно российской Конституции свобода совести и свобода вероисповедания не могут быть ограничены в условиях чрезвычайного положения, вводимого на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях (ч.3 ст.56).

Рассмотрение структурных элементов правовой категории свободы совести и свободы вероисповедания показывает, что неограниченную свободу личного выбора в религиозной сфере недопустимо абсолютизировать, она объективно нуждается в **соразмерных правовых запретах**; без них, по известному выражению Исаяи Берлина, «свобода для волков ведет к смерти овец». И российский законодатель устанавливает ряд правовых барьеров в этой сфере, в частности запрещены: пропаганда или агитация, возбуждающие религиозную ненависть и вражду, религиозное превосходство (ч.2 ст.29 Конституции РФ); унижение достоинства человека, оскорбление чувств граждан в связи с их отношением к религии; проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан (ст.282 УК РФ).

Это очень чувствительная сфера и сами же конфессии бдительно следят за ее состоянием. Вот характерный пример. В 2008 году в Нижегородской области департаментом по культуре был объявлен конкурс на создание гимна области; одно из условий конкурса гласило: в тексте должна воспеваться и прославляться нижегородская земля и присутствовать традиция колокольного звона. Это не устроило мусульман, Духовное управление которых обратилось с письмом к губернатору области об исключении из требований к будущему гимну обязательного присутствия колокольного звона, который *оскорбит* религиозные чувства неправославных нижегородцев.

Возникла переписка. В официальном ответе департамента по культуре было заявлено: религиозной тенденциозности в колокольном звоне не существует. В данном случае подразумевается лишь метафорическое использование этого понятия, которое в литературе и искусстве часто

применялось как обобщенный символ Руси: оповещение о различного рода бедствиях или радостных событиях, призыв к сборам и др.

Или иной пример. В свое время академик РАН, лауреат Нобелевской премии Виталий Гинзбург написал открытое письмо в защиту организаторов выставки «Запретное искусство – 2006» (состоявшейся в марте 2007 года в центре имени акад. А.Д. Сахарова), против которых было возбуждено уголовное дело за разжигание религиозной розни. В письме говорится: «Привлекать к уголовной ответственности лиц, организующих антирелигиозную выставку, – значит преследовать атеистов в нарушение Конституции Российской Федерации, декларирующей свободу совести. Как у верующих, так и у атеистов, признающих положение о свободе совести, есть свои права ... как верующим и, конкретно, православным нельзя запрещать ходить в церковь, так и атеистам нельзя запрещать организовывать и ходить на антирелигиозные выставки», – отмечает Гинзбург, как бы не замечая, что закон запрещает не антирелигиозную выставку, а ее направленность на разжигание религиозной розни (Православное слово. 2008. №12, с.3).

За этим частным примером просматривается некая общая тенденция, на которую обратил внимание ныне Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Мы становимся свидетелями того, как концепцией прав человека прикрывают ложь, неправду, оскорбление религиозных и национальных ценностей. Кроме того, в комплекс прав и свобод человека постепенно интегрируются идеи, противоречащие не только христианским, но и вообще традиционным моральным представлениям о человеке» (Митрополит Кирилл. 2008. с.106).

Свидетельством этой тенденции являются время от времени инспирируемые в нашем обществе проявления нетерпимости даже не со стороны служителей культа, а со стороны отдельных общественных структур, особенно средств массовой информации и граждан, в том числе не имеющих отношения к религиозному служению и назидательно заявляющих: «Церковь должна ...». Предпринимаемые ими попытки распространения идей и взглядов,

подрывающих доверие и уважение, в частности, к православию, а также вызывающих неприязнь к образу жизни верующих, религиозным обрядам – фактически посягают на честь и достоинство граждан и поэтому недопустимы. Так, правозащитник Лев Левинсон в статье «На Святой Руси секса нет» называет православных священнослужителей и верующих, осуждающих сексуальную распущенность, «мракобесами», «жандармами во Христе», «профессиональными охотниками на ведьм», «великими инквизиторами» и т.д. Духовный плод этой статьи не радость, мир, долготерпение ..., а духовная ненависть к инакомыслящим, злоба, самоутверждение. В статье превозносятся «ценности» «сознательной сексуальной раскрепощенности», которая, по мнению Левинсона, «неотрывна от политической, экономической и идеологической свободы» (Русская православная церковь ... 2007. с.11-12).

Эта позиция весьма опасна, ибо общество, которое утрачивает понятие греха, вытесняет и замещает его либеральными свободами, которые ничем не ограничиваются, не жизнеспособно и обречено. Многократно возрастает значимость гражданской позиции каждого, как имеющего конституционную гарантию свободы мысли и слова. Публичные выступления и заявления не должны порождать распри и нестроения в обществе, а тем более оскорблять религиозные чувства, извращать информацию о деятельности религиозных объединений.

Религиозные конфессии российского общества не выступают в качестве противников либеральных институтов, полагая, что это **сфера диалога и взаимодействия** всех заинтересованных сторон.

Правда, здесь есть одна существенная деталь. Современные религиозные организации различных вероисповеданий, признавая либеральную систему и либеральные ценности в политике, экономике и социальной жизни, как правило, отказываются от либеральной идеи на уровне человеческой личности. Так, Япония, которая избрала путь национального развития на основе либеральных ценностей в области политики, экономики и средств массовой информации, ревниво охраняет свою культурно-религиозную идентичность на

уровне семьи, личности и неформальных отношений между людьми, рассматривая это как исполнение долга верности традиционным японским ценностям. И японец, отправляясь на работу в свой офис, одевается по-европейски, а по возвращении домой облачается в кимоно и становится японцем не только по одежде, но и по духу. И все же нельзя не заметить, что и в Японии самобытный образ жизни понемногу сдает позиции под натиском универсальных либеральных ценностей современного мира, вытесняющих религию из общественного пространства.

Иначе говоря, последовательная реализация в повседневной жизни свободы совести и вероисповедания помимо соразмерных правовых запретов со стороны государства неизбежно предполагает и **нравственные самоограничения** со стороны самой личности. Ведь очевидно, что весь комплекс свобод, гарантированных Конституцией, гражданину необходимо использовать таким образом, чтобы не разрушать свободу других граждан и тем самым не вызывать их на ответное нарушение его свободы. Ибо в конечном счете взаимное попрание свободы приведет к многочисленным нестроениям в государственной и общественной жизни. Польский кинорежиссер Кшиштоф Занусси по этому поводу хорошо расставил акценты, считая, что если свобода – это возможность выбора, то, значит, любой выбор саму эту свободу и ограничивает. Действительно, если я ищу любви, значит, я свободен. А если я любовь нашел, это сразу ограничение свободы. Что касается веры: выбрав веру, я выбрал добро, возможность совершать добрые дела, и для этого у меня остается полная свобода. А вот ко злу я себе «доступ» в чем-то ограничил. Если я с помощью свободы нашел свой духовный путь, я отказался от других путей. И такое самоограничение всегда свободно. Итак: пока человек ничего не выбрал, он не сформировал себя, пока он еще не зрелый. Поэтому надо лишаться части нашей свободы, чтобы идти вперед (К.Занусси. 2008. с.6).

Существенный отпечаток на реализацию гражданами России свободы совести и свободы вероисповедания накладывает закрепленная в Конституции **модель плюралистической демократии**, без которой религиозные свободы

немыслимы. Вот почему она весьма распространена на Западе. Однако эту модель нельзя оценивать в категориях добра и зла (как, впрочем, и телевидение, и Интернет). Сам по себе плюрализм ни плох, и ни хорош. Все зависит от того, в каких целях и кто его использует. Посредством плюрализма можно творить добро, а можно, манипулируя общественным мнением, поощрять деструктивные процессы.

Современная западная интерпретация плюралистической модели демократии заключается в том, чтобы гражданин не имел своего лица, растворился в наборе многообразных ценностей, был толерантным, т.е. терпимым ко всему! К примеру, несколько десятилетий назад Всемирная организация здравоохранения при ООН записала в одной из своих Деклараций: «необходимо освободить людей от их индивидуальности, от привязанности к семье, национального патриотизма и религии, которую они исповедуют». И сама же Декларация поясняет для чего это надо сделать? – «Чтобы прийти к созданию единого мирового правительства». В условиях разворачивающихся в мире процессов глобализации происходят постепенная утрата государствами своего экономического суверенитета и сосредоточение его в руках международных правящих структур. Они не имеют своего отечества, но имеют свои финансовые и политические интересы во всем мире. Происходит перераспределение властных полномочий – от политических структур государств к надгосударственным экономическим центрам силы – типа Международного валютного фонда, Всемирного банка и других, реальная деятельность которых ориентирована на уничтожение экономик национальных государств.

Манипуляции с концепцией плюралистической демократии позволяют управлять общественным мнением в нужном направлении, в конце концов даже уравнивать в правах добро и зло на государственном уровне, сделать их неразличимыми, а то и поменять местами. Определенный почин в этом деле положил президент США Рейган, когда в 1987 году публично признал «важную роль сатанизма в современной американской жизни» и высказался за

необходимость учитывать интересы этой части *избирателей*. Администрацией Рейгана были приняты ряд конкретных решений:

1) не допускать нарушения прав сатанистов при приеме на госслужбу, в том числе и на правительственные посты;

2) привлекать к консультированию президента и правительственных органов «ведущих американских предсказателей, оккультистов и некромантов»;

3) не допускать в государственные документы и материалы слов и выражений, оскорбляющих чувства сатанистов.

Как же оценила американская печать эти меры президента? – Оказывается, как прагматичный шаг к расширению его влияния на общество.

Среди первых решений, принятых нынешним президентом США Обамой, указ о снятии запрета на финансирование из госбюджета деятельности международных организаций, занимающихся в странах третьего мира планированием семьи, которое включает не только производство аборт, но и пропаганду абортов и стерилизации, а также растление детей под маркой так называемого полового воспитания. Всячески поддерживаются сексуальные меньшинства: лесбиянки, гомосексуалисты, бисексуалы и трансвеститы. Не случайно, открытый гомосексуалист Джон Берри назначен главой Управления по кадрам администрации президента, ответственным за кадровую политику в отношении всех гражданских федеральных служащих (Грачева Т. 2009. с.184-185).

Да и в современной Европе богоборческие тенденции стали реальностью; параллельно развиваются и процессы секуляризации, «обмирщения» религии, ее приспособления к светскому образу жизни и светской идеологии. Об этом, в частности, свидетельствует введение эвтаназии, женского «священства» (ради уважения прав личности), однополых браков. Уже и Европейский суд по правам человека, руководствуясь ложным толкованием принципа отделения Церкви от государства, запретил установку распятий в школьных классах Италии. Нравственная опасность вытеснения религиозной традиции из

общественного сознания не в последнюю очередь заключается и в том, что секуляризация воспринимается многими людьми как синоним безбожного, нерелигиозного мира. «Преодолеть все это можно только обращением к вечным ценностям, – считает ныне митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, – которые установлены не человеком, а Богом, и даны людям в заповедях, отраженных Ветхим и Новым Заветами. И главное условие движения по этому пути – обращение к своей совести, которая есть голос Божий в сердце человека» (Нижегородские епархиальные ведомости. 2009. №11, с.4).

Вообще, в духовной литературе не без оснований обращается внимание на то, что по мере приближения развязки мировой истории попытки смешать истину с ложью, сделать их почти неразличимыми будут только умножаться. Об этом свидетельствуют хотя бы многочисленные попытки исказить оценку, дать ложную интерпретацию событий не только недавнего прошлого, но и современных нам. В конечном итоге это может привести к тому, что в общественном сознании порок станет добродетелью, а добродетель – пороком и грех, таким образом, утвердится как норма жизни.

В целом можно заключить, что в условиях функционирования России как светского государства провозглашенные Конституцией идеологическое и политическое многообразие, а также гарантированность каждому свободы совести и свободы вероисповедания неизбежно связаны с преодолением конфликтов и противоречий, возникающих в религиозной сфере, и имеющих многоплановую направленность. Без соработничества конфессий и государства в этой сфере не обойтись. Ибо задача заключается не в том, чтобы полностью исключить противоречия, коллизии юридических и религиозных норм из жизни общества, что нереально, а – обеспечивать их разрешение таким образом, чтобы это отвечало законным интересам всех субъектов, участвующих в конфликте, путем поиска вариантов согласия.

Еще более важно предотвращать самую потенциальную возможность появления конфликтных ситуаций на стадии законодательного процесса путем

участия конфессий в экспертизе законопроектов, касающихся религиозной деятельности, духовности и нравственности. К примеру, такого участия не хватало в процессе разработки и принятия Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 года №210-ФЗ, которым введена «универсальная электронная карта». Эта карта представляет собой материальный носитель, содержащий зафиксированную на нем в визуальной (графической) и электронной (машиночитываемой) формах информацию о ее пользователе; карта обеспечивает доступ к информации о пользователе для удостоверения его прав на получение государственных и муниципальных услуг, а также иных услуг, в том числе для совершения юридически значимых действий в электронной форме. С 1 января 2013 года универсальную электронную карту может получить каждый гражданин Российской Федерации с 14 лет, а также (в случаях, предусмотренных федеральными законами) иностранный гражданин либо лицо без гражданства.

С одной стороны, с помощью электронной карты можно получать и оплачивать государственные, муниципальные и коммерческие услуги в электронном виде, даже находясь за границей. На нее можно перечислять зарплату и пенсию, платить налоги и штрафы. Она объединяет в себе многие документы, в том числе полис обязательного медицинского страхования, страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования, социальную карту, водительское удостоверение, студенческие и проездные билеты, банковскую карту и т.п. Координирует выпуск в стране и распространение универсальных электронных карт федеральная уполномоченная организация ОАО «Универсальная электронная карта». Карта позволяет получать услуги:

- Федеральной налоговой службы;
- Федеральной миграционной службы России;
- Службы государственной регистрации, кадастра и картографии;
- ГИБДД;
- Пенсионного фонда;

- Фонда обязательного медицинского страхования;
- другие государственные и муниципальные услуги, а также
- услуги коммерческих организаций.

С другой стороны, в обществе существует протестное отношение части верующих и религиозно ориентированных граждан к универсальной электронной карте. Вот их аргументы:

- конституционные полномочия и обязанности органов власти и органов местного самоуправления по обеспечению и защите прав и свобод граждан незаконно трансформируются в коммерческую деятельность по предоставлению «платных услуг»;

- без согласия общества в «электронном устройстве» объединяется информация о всех сторонах жизни человека: здоровье, доходах, собственности, социальном обеспечении, совершении человеком всех юридически значимых действий, личной и семейной тайне; более того, функциями электронной карты являются: 1) идентификация пользователя карты, поскольку она является документом, удостоверяющим личность; 2) получение госуслуг в системе обязательного медицинского страхования (полис обязательного медицинского страхования); 3) получение госуслуг в системе обязательного пенсионного страхования (страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования); 4) получение банковских услуг (электронное банковское приложение); 5) осуществление других юридически значимых действий;

- 16 декабря 2009 г. Государственной Думой из Федерального закона «О персональных данных» исключены положения о защите персональных данных, и теперь операторам не требуется использование шифровальных и криптографических средств, а персональные данные, таким образом, превращаются в легкую добычу для любых криминальных манипуляций;

- формируется система, при которой вся жизнь человека ставится в зависимость от наличия и нормального функционирования электронного устройства;

- Евросоюз и США предлагают России то, от чего уже отказались страны, преуспевающие в сфере электронных технологий (в ФРГ единая карта законодательно запрещена по соображениям безопасности граждан; в Англии для безопасности граждан в 2010 г. законодательно упразднен Регистр идентификации и уничтожены базы данных; в Южной Корее сделали электронное правительство, но из-за высокого уровня электронного мошенничества население отказалось пользоваться этими услугами. И т.д.).

И хотя приведенная аргументация не вполне убедительна, потенциально ее недооценивать недопустимо. Пока что граждан никто не принуждает принимать универсальные электронные карты (граждане это делают добровольно), ибо Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 г. №210-ФЗ предоставил им право на отказ от карты (требуя при этом написать заявление об отказе). Такие граждане по-прежнему имеют возможность получать услуги по бумажным документам, обращаясь в те ведомства, которые их предоставляют.

Универсальную электронную карту отличает и высокая степень защиты, поскольку в нее встроены как аппаратные, так и программные средства защиты, контролируемые государством.

Тем не менее в перспективе нельзя исключать потенциально возможную «настойчивость» государства ко всеобщему переходу на электронные карты. Представляется, что при любых обстоятельствах религиозные права и свободы человека и гражданина, провозглашенные Конституцией РФ, не могут быть ограничены, и верующие граждане всегда должны иметь альтернативную систему получения государственных и муниципальных услуг.

В этом контексте становится актуальной договоренность руководства «Единой России» по поводу проведения экспертной работы с законопроектами со специальным Отделом по взаимоотношениям Церкви и общества Московской патриархии (поводом для этой инициативы стала ратифицированная Государственной Думой Европейская социальная хартия,

которая предполагает введение в школах сексуального просвещения). Председатель Совета муфтиев России муфтий шейх Равиль Гайнутдин считает, что государство должно предложить и другим конфессиям участие в оценке законов.

В сложных и противоречивых современных условиях финансово-экономического кризиса содержание **внутренней свободы совести**, которая предопределяет мотивы поведения человека во всех сферах жизнедеятельности общества, несомненно возвышается. Ведь очевидно, что мировой кризис имеет не только финансово-экономическую проблематику и возможно спровоцированный характер протекания, но также духовную проекцию, которую хорошо выразил *на религиозном языке* Патриарх Кирилл: «Кризис – это не только проклятие, но и благословение. Он дает возможность переоценить ценности, он заставляет людей задуматься ... кризис может помочь людям выработать правильное отношение к труду ... мы должны хорошо научиться работать и выйти из кризиса не ослабленными, а сильными» (Патриарх Кирилл. 2009).

Между тем кризисные явления (а они неизбежно трансформируются в индивидуальный кризис каждого человека), вызываемые ими каждодневные заботы о материальном благополучии не должны вытеснять попечение человека о Боге, о своей совести, о развитии нравственных качеств, иначе общие негативные последствия кризиса могут стать преобладающими.

Особое нравственное измерение приобретают социально-экономические права и свободы граждан – такие, как право собственности, право на труд, право на защиту от произвола работодателя, свобода предпринимательства, право на достойный образ жизни. Их реализация не должна превращать пользование материальными благами в доминирующую цель существования общества, а напротив, она должна быть ориентирована на предотвращение конфронтационного расслоения населения, заботу о тех членах общества, которые неспособны обеспечить свои материальные потребности. Не случайно забота о малоимущих, о социально незащищенных категориях населения

многими религиями вменяется в обязанность своим последователям. В январе 2009 года призыв к активному служению милосердию прозвучал, в частности, на Поместном Соборе Русской Православной Церкви.

В первой половине 2000-х годов вслед за православной Церковью все крупные религиозные объединения России разработали и приняли социальные концепции, в которых сформулировали свое отношение к конституционному праву каждого на свободу совести и свободу вероисповедания. Обобщая положения названных концепций, можно заключить:

1) свобода совести и свобода вероисповедания, правовой механизм их реализации одобряются большинством религиозных объединений и содержательно согласуются с их вероучениями. При этом, как правило, религиозные организации отождествляют свободу совести и свободу вероисповедания. К примеру, в «Основных положениях социальной программы российских мусульман» (2001 г.) сказано: «Ныне существующее законодательство является для мусульман наиболее благоприятным за всю историю России, – поскольку впервые обеспечивает свободу вероисповедания и юридическое равенство со всеми остальными гражданами»;

2) религиозные объединения сделали акцент на то, чтобы светское Российское государство защищало достоинство человеческой личности, гарантировало реализацию свободы вероисповедания и ее защиту;

3) в «Социальной позиции протестантских церквей России» (2003 г.) особое внимание уделено формированию толерантного и веротерпимого общества, и решение этой задачи возлагается на государство и религиозные организации. И другие конфессии, как правило, призывают своих последователей к толерантности и уважению убеждений представителей других религий и мировоззрений.

В трудах российских ученых преобладает взвешенный подход к проблемам правоприменительной практики в сфере государственно-церковных и межконфессиональных отношений; так:

- Е.А. Лукашева считает, что разрушение государством религии неизбежно влечет за собой нравственный распад общества, пренебрежение правовыми запретами, вседозволенность (Лукашева Е.А. 2009. с.75);

- О.А. Иванюк подчеркивает, что законодательное регулирование, устанавливая приемлемые способы и границы осуществления свободы совести и свободы вероисповедания, а также границы осуществления названных свобод, призвано в конечном итоге обеспечить социальный мир и стабильность при разумном балансе интересов граждан, их объединений, общества и государства (См.: Иванюк О.А. 2010. с.58).

Источники

Безоружная служба // Труд. 2009. 3 апреля.

В интернет с Божьей помощью // Известия. 2010. 19 июля.

Государство заинтересовано в подготовке религиозных деятелей и богословов: Беседа с ректором Российского исламского университета Р.М.Мухаметшиным // Наука и религия. 2008. №1.

Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. М.: РАГС. 2000. №2.

Грачева Т. Святая Русь против Хазарии. Рязань: «Зерна», 2009.

Декларация о правах и достоинстве человека // Труд. 2006. 7 апреля.

Доклад Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2008 года // Безопасность Евразии. 2009. №1.

Елков И. Священников – в армию, религию – на урок // Российская газета. 2009. 23 июля.

Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 года.

Занусси К. Лишиться части свободы, чтобы идти вперед // Фома. 2008. №10.

Иванюк О.А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал российского права. 2010. №9.

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 2009. 21 января.

Коршуль Л. Школьников будут учить нравственности и духовности // Нижегородский рабочий. 2008. 22 апреля.

Кочикян Н.С. Гарантии реализации конституционного права человека на свободу совести и вероисповедания в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. №7.

Лукашева Е.А. Право и мировые религии в формировании цивилизаций // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. №3.

Лукин В. Произвол между строк // Российская газета. 2009. 24 июля.

Митрополит Кирилл. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. 2008.

Михайлов Г.А. Государство и Церковь в постсоветский период // Исторический вестник. 2000. №9-10.

Опрос. Четверть россиян не знает патриарха // Труд. 2009. 6 февраля.

Патриарх Алексей II: Настала пора собирать духовные силы народа // Рос. вести. 1997. 6 января.

Патриарх Кирилл. Кризис – это не только проклятие, но и благословение // Нижегородские епархиальные ведомости. 2009. №6.

Пчелинцев А.В. Право на свободу совести и вероисповедания в социальных концепциях религиозных объединений России // Конституционное и муниципальное право. 2009. №8.

Русская православная церковь, права человека и дискуссии об общественном устройстве: Материалы научного семинара. Вып.7. М.: Научный эксперт, 2007.

Сгибнева О.И. Современная религиозная ситуация: социологический анализ // Власть. 2012. №3.

Слобожникова В.С. Реализация Закона «О свободе вероисповеданий» в России 90-х годов XX века // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. №1.

Смирнова А. Пятнадцать церквей на одно православие // Труд. 2008. 28 июля.

Социальная концепция Русской Православной Церкви. М.: Даниловский благовестник, 2001.

Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. Ярославль. 1892.

Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» от 25 июля 2002 года №113-ФЗ.

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Особенности правового регулирования статуса Русской Православной Церкви: исторический аспект	2
II. Конституционные основы государственно-конфессиональных отношений. Базовые принципы взаимодействия Церкви и государства	6
III. Концептуальное значение Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ в развитии статуса религиозных организаций	43
IV. Свобода совести и свобода вероисповедания как важнейшая конституционная гарантия реализации прав религиозных организаций Русской Православной Церкви	58
Источники	85